

Вадим ЯРМОЛИНЕЦ

СТОЛЯРНЫЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ 13

Повесть

*Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов
и на всю силу вражью, и ничто не повредит вам.*

Лука 10:19

1. Встреча на музыкальном вечере

У графа Льва У. был музыкальный вечер. Лучшие артисты стремились сюда, чтобы блеснуть талантом перед высшим светом столицы и найти новых поклонников. Среди гостей мелькали лица именитых литераторов и академиков, уже появились и дали неторопливо полюбоваться собою две или три модные красавицы. Барышни на выданье в сопровождении строгих мамаш и теток заняли стратегические углы залы, чтобы наблюдать за передвижением вышедших на охоту светских львов с завидными родословными и худым наследством.

Ближе к полуночи, когда недавно прибывшая из Вены певица направлялась к роялю, в аудитории поднялась и вышла в соседнюю комнату высокая молодая женщина. На ней было черное платье, на плече, приколотый к темно-красному банту, сверкнул бриллиантовый вензель «Д» – первая буква ее родовой фамилии. Черные волосы оттеняли ее смуглое, умное лицо. Это была графиня Вера Дерibas. Ее называли музой отечественной литературы – в своем салоне она собирала лучшие перья России. Пушкин и Гоголь, Жуковский и Лермонтов были ее близкими друзьями. Те, кто прагматизм ценил выше поэзии, смотрели на нее – наследницу завидных угодий в далекой Новороссии – с интересом другого рода. Но возраст и положение, в котором она оказалась после смерти родителей, оставляли за нею последнее слово в выборе супруга. Говорили, что единственной, кто мог повлиять на нее, была императрица, у которой до недавнего времени графиня была во фрейлинах.

Выйдя в соседнюю с залой комнату, графиня заметила сидевшего у камина молодого человека и направилась к нему.

– Здравствуйте, Витюша, – сказала она, усаживаясь в кресло напротив него. – Не видела вас целую неделю. Ну, рассказывайте, что интересного случилось с вами за это время? Не убили ли кого-то на дуэли, не завели ли наложницу-цыганку, не прокутили ли состояние?

Ее слова вывели молодого человека из глубокого раздумья.

– Нет, дорогая Вера Осиповна, – отвечал он, явно обрадовавшись ее появлению. – И эта неделя прошла в безуспешных поисках совершенства и борьбе с дурным настроением. Северный климат плохо влияет на меня.

– Только ли климат? Наверное, заскучали по своей маркизе? Представьте только: женщина бросает все и едет за ним из Генуи в Милан! Поразительная самоотверженность в наше циничное время!

Вадим Ярмолинец родился в 1958 году в Одессе. Окончил факультет романо-германской филологии Одесского университета, работал в газетах «Моряк» и «Комсомольская искра». В 1989 году эмигрировал в США, работал в газете «Новое русское слово». Публикации в журналах «Октябрь», «Новая Юность», «Новый журнал», «Вопросы литературы», «Новый мир» и др. Автор пяти книг прозы. Постоянный автор журнала «Волга».

– Цена этому успеху невысокая, – усмехнулся Лугин. – Лишний комплимент, удачная шутка, и вот ты уже раб чужого сердца. Но зная, насколько мои чувства неискренни, я так и не смог целиком отдаться им. Настоящая любовь должна быть как умопомрачение. В нее надо бы бросаться как в омут, да я не тот человек.

– Это мне знакомо, – вздохнула собеседница. – Рассудок – враг сердцу. Кто-то восхищается твоим умом, а ты сам был бы рад стать поглупее хоть на время.

Они замолчали и улыбаясь смотрели друг на друга как старые друзья, без слов знающие, как много общего в их мыслях. Графиня вполне признавалась себе, что не равнодушна к Лугину. Он был высок и широкоплеч, густые русые волосы его были немного длинней принятого, выдавая в нем натуру творческую, но прежде всего ее привлекали в нем улыбка и взгляд человека открытого и думающего. В тот вечер, как заметила графиня, он был бледен сверх той бледности, которая сопутствует северной осени. Другим человеком он появился в Петербурге несколько месяцев тому – бодрым и смуглым от южного загара.

Три года он провел в Италии, где его юношеское увлечение рисованием переросло в настоящую страсть. Он учился в мастерских Флоренции и Венеции, возвратясь на родину с уверенностью в том, что нашел свое призвание. О своих интересах он не распространялся, видимо опасаясь стать объектом насмешек тех, кто мог счесть его хобби недостойным положения. О его занятиях живописью знали лишь близкие друзья, а подаренный им графине чудесный венецианский вид по просьбе автора выдавался ее гостям за работу из мастерской Каналетто. При передаче подарка состоялся разговор, к которому стоит на минуту вернуться. Позже станет понятным почему.

– Впервые вижу художника, начисто лишённого тщеславия, – заметила графиня, принимая условия хранения картины.

– Напротив, начинающий богомаз нахально выдает свою поделку за произведение именитого мастера!

– Ну, если вы таким образом хотите проверить силу своей кисти на невинных зрителях, то какое же это тщеславие? Тут что-то другое.

– Ах, Вера Осиповна, ну что это за сила кисти в передаче всей этой геометрии – перспективы зданий и каналов, мачт, снастей, весел... Это – ремесло в чистом виде, экзерсисы для подмастерьев. Истинный художник тот, кто ловит жизнь в ее постоянной изменчивости. Что Каналетто! Бронзино, Сальвиати – вот кто смог поймать тот миг, когда раскрывается человеческий характер! За такое мастерство и душу не жалко отдать!

– Если вы хотите уподобиться бедному Фаусту, то предупреждаю, такие сделки заключаются только в сказках. Если бы такое было возможно в жизни, к Мефистофелю бы очередь стояла. В наши дни мало кто думает о загробной жизни, а тут – все самое желанное и главное – сразу, в обмен на душу, с которой еще непонятно что делать. Нет, это не для вас. Разве вы не согласны с тем, что счастье в поиске счастья, а не в самом счастье?

Лугин засмеялся негромко.

– Как с вами хорошо говорить, Вера Осиповна.

2. Ночью Лугин слышит странный голос

Возвращаясь в гостиную, сообщим, что в соседней зале раздались аплодисменты, и старичок в старомодном парике поднес певице букет белых роз. Графиня снова повернулась к собеседнику.

– Когда я вошла, вы были в задумчивости, друг мой, признайтесь, что вас беспокоит?

– Знаете, Вера Осиповна, – ответил Лугин, замаявшись на мгновение, словно не зная, продолжать ли. – Неловко даже говорить об этом, но мне кажется, что у меня... что-то с головой.

– Объясните! – брови ее удивленно поднялись.

– Не знаю с чего начать... Дело в том, что вот уже несколько дней, как мне кажется, что по вечерам, когда я остаюсь один, я на самом деле... не один. Кто-то еще есть рядом, и это не мой Никита. Краем глаза я постоянно улавливаю какое-то быстрое движение, как будто темная фи-

гура следует за мной, но когда я оборачиваюсь, успеваает исчезнуть. Ночью, бывает, смотрю на портьеру у окна, и вдруг покажется, что она движется. Зажгу свечу, нет, все на местах. Видно, сквозняк пошевелил ее.

– Почему же не подойти и не посмотреть? Ведь и правда может быть злоумышленник.

– Злоумышленник? Но у такого было уже предостаточно возможностей прикончить меня, или хотя бы ограбить... Этот, если это не плод моей фантазии, только подсматривает за мной, но зачем? Представьте, раз я взял канделябр, подошел к портьеру, стою, даже сердце остановилось от волнения, а отодвинуть боюсь.

– Ну, а Никиту позвать?

– Слуге показывать свою слабость – не дело, – поморщился Лугин. – Но это не все. Когда я укладываюсь в постель, кто-то невидимый, судя по голосу молодая женщина, начинает нашептывать мне один и тот же адрес. И вот это уже совсем невыносимо.

– А что за адрес?

– Столярный переулок, что у Кокушкина моста, дом титулярного советника Штосса, квартира 50. Просто не знаю, как быть. Ощущение довольно скверное.

– У Кокушкина моста? Не там ли это, где жил наш знаменитый малоросс?

– Именно там, но сейчас он радуется солнцу в Риме, а здесь, кажется, оставил какую-то нечисть из своих повестей, вот она за мной и увязалась.

– Полно-те, Витюша, ну какая нечисть? Вы переутомились, и только. Я на вашем месте сходила бы по этому адресу и посмотрела, что там. Вот увидите – найдете там какого-нибудь сапожника или часовщика, которому до вас нет никакого дела. Или вот вам анекдот: выяснится, что этот часовщик хочет вернуть хозяйину оставленные ему в ремонт часы, а хозяин – ваш покойный дедушка. Часовщик стал искать его по фамилии, а нашел вас! Жаль, что вы не литератор, иначе поблагодарили бы меня за сюжет. Сходите непременно, даже интересно, что вы там обнаружите.

– Да, анекдот занятный, но каким образом этот часовщик проникает в мою комнату по ночам?

– Ну а вот это как раз задача для литератора. Они – известные мастера сводить концы с концами. Но, если серьезно, Виктор, то у меня есть прекрасный лекарь – месье Мортишон – специалист по нервным расстройствам. Только скажите, и я немедленно пошлю за ним.

– Нет-нет, с лекарем повременим, – отвечал Лугин, поднимаясь. – Но вы предложили отличную идею: надо разыскать дом этого Штосса и убедиться, что меня там никто не ждет. Да и дома такого может не быть. А уж тогда – к вашему Мортишону.

Поцеловав графине руку, Лугин направился к выходу, а та с тревогой глядела ему вслед, пока он не скрылся за дверьми.

3. Лугин следует совету графини Веры и отправляется на поиски дома Штосса

Сырое осеннее утро встало над Петербургом. Моросил дождь, дома казались грязны и темны, как и лица редких прохожих. Извозчики, прикрыв ноги кожаными полостями, дремали в ожидании седоков. По тротуарам лишь изредка хлопали калоши, да иногда смех и громкие голоса доносились из подвальных распивочных.

В утро Кокушкин мост переходил статный, хорошо одетый молодой человек. Нимало не заботясь о том, что сапоги его замараны грязью, он шел, засунув руки в карманы и поглядывая по сторонам. Это был Лугин.

– Где здесь Столярный переулок, любезный? – крикнул он проезжавшему мимо него порожнему вознице. Тот неприветливо взглянул на него из-под нахлобученного по самые брови картуза, неторопливо хлестнул лошадь и продолжил свой путь. Какое-то время еще было слышно удаляющееся цоканье подков, а затем и сам кучер, и его дрожки растворились в тумане. Сойдя с моста, Лугин обратился с тем же вопросом к мальчишке, перебегавшему улицу с полуштофом.

– Столярный? – переспросил тот, останавливаясь и с любопытством осматривая опрятно одетого и, главное, трезвого человека, каких в своей жизни встречал он не часто.

– А вот идите прямо по Малой Мещанской, первый переулочек направо и будет Столярный.

Лугин последовал инструкции. Не сделал он и полусотни шагов, как в просвете туманных завес перед ним открылась вымощенная булыжником улочка. Он подошел к чуть приоткрытой двери угловой лавки и постучал. На стук из темноты показался приказчик и, вытирая руки полотенцем, поклонился визитеру.

– Чем могу-с?

– Где здесь дом Штосса, не подскажешь? – спросил Лугин.

– Штосса? – приказчик почесал затылок. – Не слышал-с.

Лугин двинулся дальше, не без труда разбирая старые надписи над входом в каждый следующий дом. Так он добрался до конца переулочка, обнаружив над последними воротами светлый след от недавно снятой доски и нацарапанный на ее месте номер «13».

Ворота во двор были открыты, и Лугин увидел посреди него бородатого дворника в ладном кафтане с надетым поверх него фартуком. Дворник, исполинского роста мужчина, стоял посреди черного ручья, надвое рассекавшего двор и, ничуть не заботясь о сохранности сапог, направлял метлой воду в люк под стеной флигеля, который, видимо, был его жилищем.

– Любезный, – позвал Лугин. – Чей это дом?

– До сего дня – Кифейкина, кушца, – важно отвечал великан. – А теперь – Штосса, титулярного советника.

Лугин ощутил, как ноги его ослабели, и он невольно взялся за стойку ворот.

– А что новый хозяин – дома? – спросил он.

– Нет-с.

– А когда будет?

– А черт его знает.

Лугин достал из кармана полтинник и протянул дворнику. Тот с достоинством принял монету, опустил в карман и стоял перед незнакомцем в ожидании новых вопросов.

– Скажи-ка, а кто сейчас квартирует в 50-м номере? – выдавил, наконец, Лугин.

– В 50-м никто не квартирует. Сдается номер.

– А кто прежде жил?

– Много кто жил, сударь. Поживут и съезжают, а кто не съезжает, того бывает и свозят.

– А можно взглянуть на квартиру?

– Извольте.

Заметив, что молодой человек высматривает место, где легче переступить через ручей, дворник протянул ему руку, и Лугин, опершись на нее, широко шагнул на другую сторону потока. Рука у того была твердой, как железный поручень.

Пока бородач ходил за ключами, Лугин осмотрелся. Он стоял перед пятиэтажным особняком, окна которого, начиная с бельэтажа и выше, были высокими – от самого пола – с узкими балконами, на каких в Италии обычно выставляют цветы. У некоторых окон балконов не было, но о них напоминали черные от гнили остатки балок, торчавшие из стены, давно уже требовавшей свежей побелки.

Дворник скоро вернулся и жестом пригласил визитера следовать за собой. По устланной видавшим виды ковром лестнице они поднялись на последний этаж. Ключ со скрипом провернулся в замке, и дверь открылась. В лицо пахнуло холодом и сыростью.

Квартира состояла из четырех следовавших одна за другой комнат и кухни. Лугин увидел запыленную мебель, выгоревшие обои, затертый паркет, зеркала в простенках. Но верхний этаж и высокие окна делали комнаты светлыми.

– Я возьму квартиру, – неожиданно для себя сказал он. – Вели вымыть все, проветрить и протопить.

– Будет исполнено.

– Как тебя величать, любезный?

– Ароном.

– Я посмотрю тут еще, – сказал Лугин. – Не возражаешь?

Тот лишь развел руки, мол, отчего же возражать?

В самой дальней комнате, которая служила спальней, Лугин обнаружил одиноко висевший на стене портрет. На нем был изображен старик с лицом бронзового цвета, скулистым и чахлым. Черты лица, казалось, были схвачены в минуту судорожного движения и отзывались не северною силою. Пламенный полдень был запечатлен в них. Как ни был запылен портрет, Лугин увидел в нем след работы большого художника. Портрет казался не оконченным, но сила кисти была разительна. Необыкновеннее всего были глаза в болезненно красном окаймлении век: казалось, в них употребил все старательное тщание свое художник. Они глядели из самого портрета со странною живостью. В руках старик держал колоду карт, будто приготовившись сдавать их. Костлявые пальцы были унизаны перстнями в таком обилии, словно проигравшие ему рассчитывались ими.

Отвернувшись наконец от картины, Лугин увидел Арона, о котором забыл уже.

– Нравится? – спросил тот, кивая на портрет, и в глазах его зажегся лукавый огонь.

– Хороший, – ответил Лугин. – От прежних жильцов остался?

– Висит давно, а чей – не скажу. Кифейкин, купец, хотел его продать, да не успел. А мне что, вещь – видная, пуская висит.

Вручив задаток, Лугин отправился в свою гостиницу. На другой день, устроившись на новом месте, он присел к столу и наскоро написал записку. Перед отъездом в родовое поместье под Пензой его слуга Никита должен был доставить письмо княгине Дерибас. Никита, вздохнув для приличия, стал собирать свой скарб, но в душе был рад. Городская жизнь нравилась ему своей небреженностью, барин его был человеком непритязательным, и отношения их были скорее товарищескими, но в селе оставались стареющие родители, и он часто думал о них, зная, как они нуждаются в помощи. Обнявшись, простились.

– Берегите себя, барин, – Никита вздохнул еще разок и, надев фуражку, бодро зашагал по переулку, а барин остался у ворот, вдруг ощутив возникшую вокруг него прохладную пустоту.

4. Лугин заводит новые знакомства

В первую же ночь на новом месте Лугин увидел удивительный сон: окно отворилась и сквозь него в спальню вошла молодая женщина, как если бы там, за окном, была другая комната. Белокурая гостья села на край его постели и взяла его руку в свои. Она долго сидела так, пристально рассматривая его, а затем наклонилась и коснулась устами его виска. Ощущение было таким реальным, что он раскрыл глаза.

Уже рассвело. Окно было отворено, и холодный осенний воздух входил в комнату. Подойдя к окну, он увидел перед собой мокрые от дождя кровли соседних домов да безлюдный переулок. Где-то недалеко быстро прозвучали каблучки, хлопнула дверь, и снова все погрузилось в предутреннюю тишину.

Позавтракав в ближайшем трактире, Лугин отправился гулять вдоль каналов, рассматривая дома, витрины модных магазинов и кондитерских с чудесными сладостями на прилавках, но главное – людей, отчасти надеясь узнать в одном из встреченных женских лиц явившуюся ему во сне незнакомку. Он пытался поточнее вспомнить ее черты, но его внутреннему взору являлись лишь чудесно сияющие глаза и удивительный изгиб верхней губы, открывавший ряд жемчужных зубов.

Купив вина, хлеба и сыра в лавке, где третьего дня он справлялся о доме Штосса, он вернулся к себе и, пока не стемнело, пытался воссоздать на бумаге захвативший все его мысли образ. Но сколько он ни старался, каждый раз выходила какая-то страшная маска. Наконец ощущение собственного бессилия и сгущающиеся сумерки заставили его бросить работу. Лугин наскоро поужинал и отправился в постель. Единственное желание наполняло его: он снова хотел увидеть незнакомку из своего сна. Но вышло иначе.

Лугин проснулся среди ночи от покашливания за дверью спальни. Он прислушался. Кто-то, сделав шаг-другой, останавливался, снова кашлянув, шел дальше, как будто боялся неосторожным движением толкнуть или разбить что-то в темноте. Лугин рывком поднялся и спустил ноги с постели. Из-под двери в спальню просачивался слабый свет.

Отворив двери, он ступил в гостиную.

Перед Лугиным стоял старик в домашнем халате. Голова его была непокрыта, и из остатков волос по ее бокам выглядывали непомерно большие и острые, как у зверя, уши. Внешность его показалась Лугину знакомой.

– Прошу прощения, – сказал он, не сдерживая удивления. – С кем имею честь?

– Штос-с, – ответил старик, немного наклонив голову.

Лугину показалось, что гость не расслышал его, и повторил вопрос.

– Титулярный советник Штосс, – уточнил гость. – Домовладелец, с вашего позволения-с.

– Ах, да, Штосс... Но почему же в такой час?

– Служба, заботы, милостивый государь, – отвечал тот. – Вот и работаешь днем и ночью.

А тут заметил огонь в вашем окне и решил навеститься, спросить, нет ли какой нужды-с. Прошу, конечно, простить за своеволие.

– Благодарю, устроился хорошо.

– Партеечку в штосс? – неожиданно предложил визитер, доставая из кармана колоду карт и бросая быстрый взгляд на квартиранта.

И тут Лугина осенило – да это старый картежник с портрета!

– Отчего же... – отвечал он, с еще большим интересом разглядывая того. – Присаживайтесь.

Он кивнул на стул, и Штосс охотно занял его, не переставая при этом ловко перетасовывать колоду. Сходство старика с портретом было настолько разительно, что Лугин даже обернулся, чтобы проверить, не опустела ли рама, но свеча не разгоняла темноту за его спиной.

– Не разорительно ли будет по пятачку? – спросил гость.

– Давайте.

Лугин сразу же проиграл несколько партий, а гость, каждый раз сметая монету со стола, приговаривал довольно: «Курочка по зернышку, курочка по зернышку...»

«Так вот зачем он пришел, – думал Лугин. – Служба, доходный дом, и еще картишками прирабатывает. Ну, хват!» Теперь ему даже весело было проигрывать, и когда домовладелец поднял ставку до гривенника, легко согласился.

– Так вы и сами недавно въехали? – поинтересовался Лугин.

– Въехали недавно-с, – кивнул Штосс, не отрывая взгляда от карт, – но бывали и раньше.

Присматривались, как говорится.

Уже под утро в дверь кто-то легко постучал. Старик собрал карты и поднялся.

– Это дочь за мной пришла, – объяснил он.

– Входите, прошу вас, – громко позвал Лугин.

Дверь открылась, и в комнату ступила – Лугин обомлел – красавица из его сна.

– Папенька, скоро на службу, – от ее серебристого голоса все тело его просто заныло от боли.

– Завтрак готов.

Хотя она обращалась к папеньке, но смотрела все это время на Лугина с каким-то радостным изумлением, улыбаясь ему так открыто, что его тут же повлекло к ней.

– Дочь моя, Альбина-с, – представил ее Штосс. – Прошу любить. А это господин Лугин, живописец.

Они поклонились друг другу. В этот момент пламя огарка, встревоженное потянувшимся из открытых дверей воздухом, затрепетало как от испуга и угасло, оставив их в густых утренних сумерках. Лугин бросился в спальню за своим подсвечником, а когда вернулся, комната была пуста. В охватившем его волнении он еще походил по квартире и даже взялся было за карандаш, но рука не слушалась его. Нет, чтобы рисовать чудесную дочь Штосса, сперва нужно было присмотреться к ней, понять секрет ее очарования, поймать мгновение.

Небо за окном начало светлеть, когда измученный Лугин бросился на постель. Погружаясь в сон, он еще пытался восстановить в памяти так взволновавший его образ, но тщетно. «Неужели я влюбился?» – вдруг подумал он и, улыбнувшись этой мысли, уснул.

5. Лугин рвет связь с внешним миром

Письмо Лугина удивило графиню.

«Дорогая Вера Осиповна! По срочным делам я должен отлучиться. Когда увидимся – сказать затрудняюсь, но ручаюсь, что буду помнить вас как единственного человека во всем Петербурге, встречи с которым скрашивали мою жизнь. Наши загородные прогулки, наши разговоры я перебираю в памяти как любимые сувениры. Целую вашу руку с дружеской нежностью, ваш Виктор».

– Ничего не понимаю, – обратилась графиня к дворецкому. – А парень, который письмо доставил, где?

– Не могу знать, – отвечал дворецкий. – Вручил письмо и отбыл.

– Барыня, парень этот – Никита – человек Виктора Юрьевича, – сказала находившаяся в комнате девушка Настя. – Помните, мы с ними в Петергоф ездили? Он когда письмо принес, то и со мной зашел попрощаться. Барин его в родительское поместье отправил.

– А сам Виктор Юрьевич где?

– Он тут у Кокушкиного моста квартиру снял. Никита его перевозил перед отъездом.

– У Кокушкиного моста?!

– У Кокушкиного, Вера Осиповна. Дом Мопса какого-то.

– Мопса?! А не... Штосса ли?

– Не помню, барыня.

– Василий Николаевич, – обратилась графиня к дворецкому. – Разузнайте, все ли действительно так. Об одном прошу: я Виктора Юрьевича почитаю за друга и тревожусь за него. Недавно он жаловался мне на недомогание, но от помощи отказался. По этой причине излишнего беспокойства я ему доставлять не хотела бы, но и упускать из виду тоже. Знаете, как бывает – рад бы, чтобы помогли, да позвать некого.

– Все разузнаю, не извольте беспокоиться, – отвечал дворецкий.

6. Лугин начинает дневник

25 сентября (18... года)

Никогда не представлял, что чувство может овладеть мной с такой силой, совершенно лишит воли. Я решительно ничем не могу заниматься и, чтобы окончательно не растерять способность сосредоточиться хоть на чем-то, взялся писать этот дневник. Приглашать в душеприказчики моего единственного здешнего друга – графиню Веру – я не могу. Хотя мы и друзья, у каждого из нас, как мне кажется, кроется не столько даже надежда, сколько предположение, что при каких-то обстоятельствах наша дружба может переродиться во что-то иное. Но почему же это не случилось до сих пор? Такая супруга делает честь любому. Умна, образованна, по-южному жива, о ее состоянии и говорить не приходится. Неужели именно сложность ее натуры не позволяет мне представить ее в своих объятиях, как я легко представляю мою соседку? Все в ней так и зовет – возьми меня, возьми! И даже анатомия моя реагирует на нее известным образом, благо видимся мы не при свете дня!

26 октября

Месяц, а то и больше, я еженощно играю в штосс с глуховатым стариком Штоссом, и его частое «штос-с?» добавляет изрядную долю неправдоподобия в наши поединки. Мы начали играть по пятачку, но скоро ставки пошли вверх, и сегодня под утро он унес домой империал, даже не

пытаясь скрыть свое счастье. Если я отказываюсь поднимать ставку, он тут же начинает зевать и собирается уходить. Хитрец прекрасно знает, что я играю с ним лишь для того, чтобы дожидаться появления Альбины. Она приходит, мы обмениваемся приветствиями, и через минуту-другую прощаемся. Но сколько всего в этих минутах! Сколько восторженного ожидания в ее взгляде! Она словно говорит: я твоя, твоя, только дождись меня. И я жду сам не знаю чего.

Пишу это, ощущая себя горьким пьяницей, который всеми силами уговаривает себя воздержаться от питья, а рука сама тянется к бутылке. Как хочется повернуть голову и увидеть ее рядом, улыбающейся мне. Мечты, мечты!

Я ложусь спать совершенно измученный, просыпаюсь к обеду, тащусь в трактир, потом слоняюсь по улицам, пока свежий воздух не приводит меня в чувство. Вернувшись домой, я принимаюсь за работу, но к тому времени, когда рука обретает уверенность, уже смеркается, и остаток вечера наполняется привычным ожиданием моего мучителя. Прохвост, кажется, не только мой домовладелец, но и владелец моей души. Но как хороша его дочь! Сегодня мне вдруг пришла в голову счастливая мысль, заставив меня потом весь день сокрушаться по поводу собственной недогадливости. Я должен просить старика разрешения писать портрет Альбины! Не сомневаюсь, что скряга согласится, если я предложу плату за позирование!

7. Лугин отправляется на поиски Штосса и что из этого выходит

Проснувшись, Лугин тщательно умылся, выбрился и, не став даже завтракать, поспешил к домовладельцу. Спускаясь по лестнице, он вдруг подумал, что даже не знает его имени.

Предполагая, что квартира того располагается в первом этаже, он свернул в единственный выходящий в сени коридор. Это был ничем не примечательный коридор, оклеенный зелеными в полоску обоями, с черными дверьми квартир и запыленным окошком в дальнем его конце, из которого сочился сероватый свет. Пройдя в глубь коридора, Лугин обнаружил поворот, и, миновав несколько дверей, еще один. Это чередование дверей и поворотов скоро навело его на мысль, что он попал в лабиринт, протяженность которого никак не соответствовала габаритам дома. Положение усугублялось тем, что на дверях квартир не было табличек с номерами или фамилиями жильцов. Да и самих жильцов как будто не было. Не слышно было ни голосов детей, ни звона посуды, ни кашля. Мертвая тишина царила вокруг. Лугин однако успокоил себя мыслью, что новый владелец, вероятно, еще не успел найти квартирантов.

Мысль эта была скоро вытеснена другой: как вернуться в сени? Лугин просто не мог поверить собственной беспомощности. В конечном итоге он постучал в одну из дверей – она тут же распахнулась, и в коридор ступил дворник.

– Арон, ты?! – изумился Лугин.

– Чем могу-с? – отвечал тот невозмутимо.

– Я ищу квартиру господина Штосса. Не подскажешь ли, где она?

– Вот это и есть квартира господина Штосса, – отвечал Арон. – Да только барин на службе-с, а барышня почивает-с.

– А почему же таблички на двери нет?

– Как так нет?! – удивился бородач. – Ах ты ж, беда какая... Видать, запоматывал я про нее, будь она неладна! Немедленно исправим, ваше благородие, немедленно!

С этими словами дворник достал из бокового кармана своего кафтана медную табличку, где было выгравировано «Титулярный советник А.Д. Штосс», из другого молоток и, зажав губами несколько гвоздиков, стал приколачивать ее к двери.

Лугин опешил от такой расторопности.

– Не мог ли бы ты заодно и вывести меня отсюда? – поинтересовался он, когда тот окончил работу.

– Извольте-с, – ответил дворник и, повернув за первый же угол, посторонился, пропуская Лугина в сени, откуда тот, не переставая удивляться случившемуся, вышел из дому и, постояв не-

которое время у ворот, словно собираясь с мыслями, отправился завтракать. Вернувшись в дом, он снова прошел к коридору, заглянул в него, увидел те же зеленые обои в полоску, двери, запыленное оконце, но входить не стал.

8. Дворецкий обнаруживает, что друг графини находится в затруднительном положении

Дом Штосса дворецкий графини Веры нашел без затруднений и, вручив гривенник уже известному нам бородатому великану с метлой, выяснил, что господин живописец проживает в квартире верхнего этажа.

– Попрошу о визите моем жильцу вашему не докладывать-с, – попросил Василий Николаевич перед тем, как уйти.

– Как пожелаете-с, – отвечал дворник, склонив голову набок и не без лукавства рассматривая посетителя.

Через несколько минут Василий Николаевич занял место у окна в том самом трактире, который располагался у входа в Столярный переулок, и заказал самовар. Не успел он наполнить первую чашку кипятком, вдохнуть аромат свежей заварки и пододвинуть к себе стеклянную корзину, одна часть которой была наполнена чудными, просто игрушечными бараночками, а другая – вишневым вареньем, как увидел идущего по переулку Лугина. Чертыхнувшись с досады, он топропливо сделал глоток чаю, сунул в рот ложку варенья, схватил горсть баранок и, бросив на стол заготовленную монету, выскочил на улицу.

Дворецкий проследовал за художником, державшим подмышкой свернутый в трубку холст, до картинной лавки на Шукином дворе и, подойдя вплотную к витрине, словно интересуясь выставленным товаром, стал наблюдать за происходящим в ней.

Владелец заведения – серенький человечек во фризовой шинели и с растрепанной бородой, только завидев посетителя, бросился ему навстречу, как к давнему знакомому. Он принял у Лугина принесенную работу, развернув, долго нахваливал ее и, наконец, рассчитался. Наблюдая за Лугиным, Василий Николаевич отметил, что с тех пор как он видел того последний раз в доме на Литейном, друг его хозяйки исхудал, потемнел лицом, одежда его висела на нем мешком и молила о чистке, короче говоря, выглядел он хуже некуда. Получив деньги Лугин поторопился на свою новую квартиру, куда его и провел Василий Николаевич. Когда дверь за ним затворилась, дворецкий отправился домой.

– Ничего не понимаю, – сказала Вера Осиповна, выслушав отчет и не скрывая охватившего ее волнения. – Что-то у него, конечно, случилось, но как помочь ему, ума не приложу.

– Могу доставить лично записку от вашего имени, – предложил дворецкий. – И заодно взглянуть...

– Нет, Василий Николаевич, – отвечала графиня. – Пойди завтра прямо с утра в эту картинную лавку и все, что он туда принес, купи. Плати сколько просят и вели приказчику, чтобы о каждой новой картине сообщал. И поспрашивай у него о Викторе Юрьевиче, может быть он что-то знает.

На следующий день дворецкий отправился на Шукин двор и, выдав себя за искателя итальянских пейзажей, тут же был познакомлен радушным маршаном с творчеством только что обнаруженного им, подумайте только – в наших-то промозглых краях, гения с солнечного юга. Картин гения в лавке оказалось две – обе с чудесными видами приморского города. Также у маршана оказалось и несколько эскизов женской природы, какие пользуются спросом у подростков и холостяков. Эти дворецкий, внимательно осмотрев, отверг. За живописные же произведения маршан заломил пятьдесят целковых, заставив дворецкого охнуть от неожиданности и почесать затылок. Невзирая на наставление хозяйки покупать все, не торгуясь, Василий Николаевич исключительно из соображений бережливости вступил в торг и сбил десятку. Это отняло у него столько времени и сил, что он забыл про другие поручения – разузнать что можно о Лугине и договориться, чтобы лавочник сообщал о его новых работах. Мысль об этом настигла

дворецкого уже на полдороге домой и он, проклиная свою забывчивость и неудобную ношу, пошел обратно на Щукин двор.

При виде недавнего покупателя физиономия у продавца неприятно вытянулась, поскольку он решил, что тот принес товар обратно. Но выслушивая объяснения последнего, он снова стал сладко улыбаться и улыбался все слаще и слаще, пока не спросил:

– Так, стало быть, это графинюшка ваша итальянской живописью интересуется, а не вы?

– Она, – признался Василий Николаевич, тут же начав недолюбливать проницательного собеседника.

– Никак у хозяйюшки вашей, образно выражаясь, бубновый антерес наблюдается, – продолжал между тем маршан, – и, может быть, даже не столько к живописи, сколько к совершенно иному предмету. Что ж, дело житейское, а нам главное свой антерес соблюдать.

– Это какой такой антерес? – спросил дворецкий, теперь уже совершенно ненавидя вьедливого торгаша.

– А такой, милостивый государь, – отвечал маршан, глазки которого превратились в черные буравчики, – что ежели какой другой покупатель пощедрее вашей графинюшки будет, то какой мне, извиняюсь за выражение, резон ее в памяти своей держать?

От такого вопроса у Василия Николаевича даже скулы проступили из-под побагровевших щек.

– Ты это-о, э-э... балуешь, милый... – сказал он, все еще переваривая услышанное.

– Какое же тут баловство? – возразил маршан. – Торговля дело бойкое. Кто схватил, тот и проглотил.

– Что ж, – сказал дворецкий. – Ежели какой выгодный покупатель у тебя появится, так ты немедля дай знать. Мы его цену перебьем.

– Тогда по рукам! – воскликнул плут, снова меняясь в лице к лучшему. – Одно только мале-е-хонькое дополнение требуется к нашему соглашению сторон, так сказать.

– Чего же тебе еще?

– Почта нынче крайне ненадежна, – вздохнул маршан. – Так что придется нарочного слать, а нарочный за одно спасибо по конфиденциальному делу не побежит.

– Сколько же твой нарочный стоит?

– Червонец, подлец, берет и ни копейки меньше. Но уж доставит из рук в руки и в кратчайший срок.

– Твоя взяла, моисеево племя! – сказал дворецкий, доставая с таким трудом сэкономленные деньги.

– Ошибаетесь, милостивый государь. Происхождение мое из самых что ни на есть новгородских мещан, коим вы совершенно напрасно в сметливости отказываете. Еще чего-нибудь пожелаете?

– Нет уж, – сказал Василий Николаевич, подбирая свои свертки. – С меня и этого довольно. Хотя нет, погоди, что живописец-то этот, как живет-то, чем дышит, ведомо тебе?

– Чем он дышит, это одному Богу известно, так своей графинюшке и передай. Да только вид у него такой, словно дышит он уже на ладан.

– Ты это брось, какой ладан? Он месяц назад еще ой-ой-ой каким молодцом был.

– Ну, за месяц много чего случиться может, – отвечал новгородский сметливец. – А вот сказать – по твоей ли хозяйюшке наш живописец сохнет или от хворобы какой, я не могу.

Прибыв домой, Василий Иванович доставил купленные работы графине, ответил на ее вопросы, явно опечалив ее, и скорее пошел на кухню, чтобы получить у поварихи Лизаветы ее знаменитого успокоительного средства – нервы его в результате проведенной торговой операции разошлись не на шутку. Владелица настойки, как несложно догадаться, также получила от разведчика подробный доклад о его походе, заключив:

– Сердце мне подсказывает, Василий Николаевич, что дело это темное. Уж как-то сильно быстро Виктор Юрьевич из порядочного человека в оборванца превратился. Поэтому я бы за ним не днем приглядела, а ночью.

- А кто же ночью-то за ним приглядывать станет?
- Ты и станешь.
- Я?! Ночью?!
- Ты-ты, Василий Николаевич, больше некому.

Тон поварихи, конечно же, указал внимательному читателю на некие особые отношения между нею и дворецким, и читатель этот не ошибся. Но об этом – рассказ впереди.

9. Графиня дает советы модному литератору

– Вера-душа, как вовремя! – старшая дочь Карамазовых, Соня, расцеловала подружку-фрейлину и, взяв за руку, повела в гостиную. – Мишель уже здесь и спрашивал о вас. Увы, сегодня ночью уезжает. Приказ самого Николая Павловича.

– *Je suis ravie de vous voir, Michelle!* – графиня так живо направилась к молодому гусару, упомянута хозяйкой, словно собиралась броситься ему в объятия, но приблизившись, лишь протянула руку для поцелуя. Офицер, широкоплечий и коренастый, бережно взял ее и коснулся губами, потом отступил на шаг, чтобы разница в росте, графиня была на полголовы выше его, не так бросалась в глаза.

– *Monsieur Kiseleff*, и вы тут, конечно!

Эта реплика была уже адресована стоявшему рядом с Мишелем молодому человеку в темно-зеленом, французского покроя, мундире с золочеными гербовыми пуговицами. Тот тоже с поклоном коснулся ее руки. Это был сотрудник МИДа Николай Дмитриевич Киселев.

– Уезжаете сегодня? – обратилась она к офицеру.

– Да, должен ехать.

– А вы, Кисенька, задержитесь, или и вас труба зовет?

– Пока здесь, Вера Осиповна, и вплоть до отъезда планирую надоедать вам изо всех сил.

– Боже мой, как я рада! Только не забудьте, пожалуйста!

Приняв от слуги бокалы с шампанским, друзья сели. Графиня заняла диван, а мужчины – кресла напротив нее.

– Как хотелось бы видеть вас почаще, Мишель, но, говорят, вы снова в немилости?

– Мне не привыкать, Вера Осиповна, – отвечал офицер улыбаясь. – Я принимаю эту немилость как заслуженную награду.

– Неужели совсем не жалко оставлять все это? – графиня коротко повела рукой с бокалом, указывая на уютный дом Карамзиных и шумевших вокруг гостей.

– С моим характером полезно менять обстановку как можно чаще. Привычка рождает сплин, а сплин, говорят, делает меня совершенно несносным.

– Пишете ли что-то сейчас?

– Пишу, дорогая Вера Осиповна. То куплеты в альбом Авроре, то сонеты в альбом Эмили, и кажется, неплохие, но боюсь, наши кокетки их не оценят.

– Заверю вас, они еще будут показывать их внукам и рассказывать о вашем романе.

– Если дело дойдет до романа!

– Если не дойдет, тоже будут рассказывать! Кто проверит?! Но мы с Николаем Дмитриевичем ждем от вас другого, я говорю о новых книгах.

– Вы должны пробудить в себе Эжена Сю, Мишель, – подхватил тему Киселев. – Мы хотим «*Les Mystères de Sanct-Petersburg*» с продолжениями: «Печорин в казематах Шлиссельбурга», «Печорин и привидение Петродворца», «Схватка Печорина с вампирами». Пишите по главе в неделю, и пусть мальчишки продают каждый свежий выпуск на Невском. Спрос я вам гарантирую. А главное, при таком подходе и службу можно оставить!

– Категорически против любых повторений! – возразила графиня. – Дайте своему Печорину заслуженный отдых и напишите какую-то страшилку. Ведь вы умеете!

– Я?!

– Именно вы! Помните, как у вас «Тамани» – путник ищет ночлег и оказывается в брошенной избе. Темнота кромешная, и вдруг в луче лунного света появляется слепой мальчик... – графиня повела плечами, как если бы ей вдруг стало холодно. – Когда я читала, мне было до того страшно, что я попросила свою девушку лечь рядом со мной.

– Ах, почему я не был на месте вашей девушки? – улыбнулся офицер. – Все-таки у меня есть и сабля, и пистолет.

– У моей девушки тоже есть сабля, – ответила графиня. – Она – настоящая казачка. Кстати, такая же страшная сцена есть у Гоголя. Помните, как в «Вие» старуха на хуторе ходит с раскрытыми руками по темному сараю, чтобы схватить Хому?

– О, да, это прекрасно написано!

– Причем, вы знаете, ни при появлении самого Вия в финале, ни в описании того, как мертвая панночка носилась на Хоме по ночным полям, не было так страшно, как именно в этой сцене со старухой.

– Это-то как раз и объяснимо, – сказал Киселев. – И Вий, и панночка – чудовища из сказки, а эта старуха – совершенно настоящая и тем ужасна.

– Это верно, – согласился Мишель. – Настоящее обычно страшнее придуманного. Но все равно, нужен сюжет.

– Сюжет? Извольте! – сказала графиня. – С одним моим приятелем приключилась престранная история и отчасти даже мистическая. Обещайте, что отнесетесь к ней серьезно и используете для своей будущей повести. А в знак благодарности можете упомянуть в ней и меня, хорошо?

– Слово корнета лейб-гвардии гусарского полка! – снова улыбнулся Мишель. – И пусть только смерть остановит меня от выполнения этого обязательства. Николай – ты свидетель моей клятве!

– Почту за честь!

– Ну, хорошо, тогда слушайте. Одному моему хорошему знакомому стало казаться, что кто-то нашептывает ему адрес какого-то дома в Столярном переулке, что у Кокушкиного моста. И даже называет дом. Говорит: Дом Штосса.

– А кто нашептывает-то? – спросил Киселев

– Непонятно. Говорит, слышит голос, когда ложится спать.

– А у него м-м... все дома? – Киселев постучал пальцем у виска.

– Абсолютно.

– Наши личные симпатии не всегда позволяют нам дать верную оценку человека. Впрочем, верю вашей пронзительности, Вера Осиповна. В таком случае шептун мог спрятаться за портьерой или даже под кроватью.

– Представьте, мой друг подозревает, что именно это и происходит!

– Но и это еще не сюжет, – на лице офицера появилась снисходительная улыбка.

– Терпение, *mes amis*, это еще не конец. Далее мой знакомый, по моей, между прочим, рекомендации отправляется в Столярный переулок, и что вы думаете? Находит дом этого Штосса! Дальше – больше. Он переезжает в него! Проходит несколько недель, и он перестает есть, бриться, и носит одну за другой свои картины, а он, забыла сказать, художник, в лавку, где продает их.

– Карточный долг? – предложил Киселев решение.

– Да, но он из дому никуда не выходит.

– Ну-у, он может и в доме играть.

– С кем?

– Да хотя бы с этим самым Штоссом.

– Ну вот вам и сюжет! – согласилась графиня. – Пусть он играет, пока у него есть что продавать, а потом...

– А потом поставит на кон свою душу, поскольку этот Штосс – сам дьявол.

– Ну, пусть не самый главный, но кто-то из его подручных. Мелкий бес на гастролях в России. Что скажете, Мишель?

– Друзья, вы, конечно, сочинили прекрасную историю, но что за сюжет без любви? Такой никто и читать не станет. Вспомните «Пиковую даму». Там тоже игра, долги, страшная старуха, зна-

ющая тайну трех карт, но чего бы все это стоило без любовной интриги? И, кстати, тоже написано блестяще. Помните, когда Германн входит в дом Лизы, а там какие-то закутки, занавески, двери, и потом эта темная, заставленная мебелью комната, где обитает старая ведьма. Жуть!

– Ну, что ж, пусть у этого Штосса будет, например, молодая жена, в которую влюбится герой, – предложила графиня.

– И она будет подталкивать его к тому, чтобы он продолжал играть с ее мужем. Точно как в цыганском таборе. Пока какой-нибудь гуляка доберется до своей Зауры, ее братья снимут с него последние порты, – Киселев захохотал от собственных слов.

– Ах, друзья, хуже всех тот сюжет, финал которого предскажем: у дьявола выиграть невозможно, поэтому – душа на кон, а потом – головой в окно. Нет, это банально.

– Все банально, Мишель. Разве сюжет «Бэлы» не банален? Сокращение невинной туземки скучающим бездельником.

– Это, конечно, так, но знаете, литературное произведение отчасти напоминает швейцарские часы. Механизм, который вращает две стрелки, довольно прост, но самые большие мастера добавляют к нему *компликасьон*. На циферблате можно еще увидеть стрелку, которая считает секунды, а кто-то мне рассказывал, что видел брегет, который показывает то ли день недели, то ли число месяца, представляете?!

– Если я вас правильно поняла, то в «Бэле» *компликасьон* это – конь Казбича?

– Ах, Вера Осиповна, вам самой пора братья за перо!

– Я и возьмусь, всему свое время! Но прошу вас: не дайте пропасть моему сюжету. Вы мне дали слово, Мишель! – она шуточно погрозила собеседнику пальцем. – Начните, а там дальше что-то придумаете. Только умоляю вас: никаких психологических проблем, хочу страшилку с *fin heureuse!*

– Мне легче было бы написать вам что-то в альбом, дорогая Вера Осиповна.

– Мой альбом всегда открыт для вас, *cher ami*, но помните, – она снова погрозила ему пальцем, – слово дворянина и свидетель в лице Николая Дмитриевича!

10. Пессимистический прогноз Киселева

Мишель решил ехать до ужина, и друзья вышли с ним из дому, чтобы проститься. Невзирая на недавние шутки и пожелания скорой встречи, на улице веселое настроение оставило их. Все трое понимали, что возвращение Мишеля в столицу целиком зависело от одного человека, и этот человек был разгневан не на шутку.

Когда повозка скрылась за поворотом улицы, графиня, взяв Киселева под руку, предложила прогуляться. Они обошли дом и углубились в парк. Туман клубился между черными стволами деревьев, собирался на ветвях тяжелыми каплями и громко падал на укрывшую землю листву.

– Занятно получается, Вера Осиповна, – нарушил молчание Киселев. – Мишель почти классик, вся Россия знает его «Бородино», нет порядочного человека, который бы не имел списка «Смерти поэта», судьбу его решает сам государь-император, а мы даем ему советы, как и что писать.

– Мы же друзья, – пожал плечами графиня. – Он прекрасно знает, что все это в шутку.

– А я думаю, он в вас влюблен, оттого и позволяет так шутить. Вы, конечно, видели его стихотворение с посвящением «ВД» в свежих «Отечественных записках»?

– Я, Кися, видела это стихотворение много раньше.

– В своем альбоме?

– Вы очень догадливы.

– Нет, – покачал головой Киселев. – Вы сами проговорились: *мой альбом всегда открыт для вас, cher ami*.

– Неужели ревнуете?!

– Ну, что вы, Вера Осиповна. Что-то мне подсказывает, что если вы и отдадите кому-то свое сердце, то не литератору. Поэту нужны поклонницы, а вы – строгий критик. Поэт не перенесет того, что женщина не глупее его и может его еще чему-то научить. Любовью к вам будут вдохновляться, но завоевать вас вряд ли решаться.

Как бы в подтверждение своих слов Киселев стал негромко читать:

*Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас – хочу сказать вам много,
При вас – я слушать вас хочу:
Но молча вы смотрите строго,
И я, в смущении, молчу!
Что делать? – речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно.*

– Завидная память у вас, Николай Дмитрич!

– Это профессиональное, Вера Осиповна. Посмотрел на документ и запомнил его во всех подробностях. Потому что второго случая может и не представиться. Хотел бы я хоть одним глазком посмотреть и в ваш альбом. Ведь это, должно быть, не альбом, а синодик всех наших именитых авторов с разбитыми сердцами...

– Печальную участь вы мне приготовили, Кися. Неужели так и останусь старой девой?

– Боже упаси! В очереди к вашему сердцу народ разный, но вот мой вам дружеский совет: найдите себе какого-нибудь веселого злослова из министерства иностранных дел и живите с ним поживайте и добра наживайте.

– Отчего же вы меня, например, за какого-нибудь бравого генерала не выдаете?

– О, только не это! Генерала могут убить, а еще хуже покалечить. Потом всю жизнь придется с инвалидом мыкаться. А с дипломатами хорошо: европейские столицы, модные курорты и рауты, рауты, рауты. Все прекрасно одеты, воспитаны и в курсе всего самого важного. Вы замечательно вписываетесь в это общество.

– Ну, хорошо, Кися, мою жизнь вы устроили, премного вам благодарна за это, а что-то будет с нашим Мишелем?

– Все будет как обычно, Вера Осиповна. Он будет писать, вдохновляясь красотами Кавказа, участвовать в вылазках против горцев и ссориться с сослуживцами. Но вот вам мой прогноз: если он и возьмется писать что-то по мотивам дела вашего приятеля, то ничего у него из этой затеи не выйдет.

– Отчего же?

– Скажу вам как критик критику: эта история вполне себе волшебная сказка. Шепот из темноты, таинственный дом, старик-картежник и поставленная на карту душа. Теперь посмотрите на обычных героев Мишеля, если это не Печорин, то это Арбенин. Такие в жизни не рискнут своей душой, и знаете почему?

– Почему же?

– Потому что они не в состоянии лишиться себя счастья бесконечного ковыряния в ней.

– Но вы, кажется, забыли, уважаемый коллега, об изумительном Максиме Максимовиче, о Казбиче, об Азамате...

– Нет, я отнюдь не забыл о них, но они – лица второстепенные. А его основной герой – он сам, со всеми, извините меня, своими тараканами. При этом дело не столько даже в том, что герой

сложный, сколько в том, что его сложность реальна и потому трудно совместима со сказкой. Тут бы пригодилась гоголевская легкость, его ирония. Когда читатель смеется, он становится менее требовательным, но наш Мишель, чего греха таить, человек тяжелый, у него все серьезно.

– Ах, Кися, можно подумать, он прямо так вот возьмет и из нашей болтовни за шампанским создаст свою очередную повесть. Наверное, у него сейчас голова совсем другим занята.

– Он, между прочим, слово офицера дал. Я – свидетель. И поскольку речь идет о вас, он это слово сдержит. Он знает, что кто-кто, а вы будете ждать. Может быть, романом он и не разразится, но на рассказец рассчитывать можно.

– Вас не поймешь – то у него ничего не получится, то можно рассчитывать на рассказец. Вернемся, Кися, я что-то продрогла, да и к ужину опаздывать не хочется.

За столом Соня усадила графиню рядом с Киселевым, заговорщицки подмигнув подруге. Та едва заметным движением бровей ответила: ничего нет и быть не может! Подали на больших серебряных блюдах дымящихся омаров. Рядом поставили чашки с дольками лимона и растопленным маслом. Вино слуги разливали из белых покрытых изморозью кувшинов.

Гости, засучив рукава и прикрыв грудь и колени салфетками, с энтузиазмом принялись за еду. Красные панцири и клешни захрустели под шипцами.

– Ну, что, Кися, давайте-ка чокнемся за *notre pauvre ami*.

– *Dieu lui accorde bonne chance!* – отвечал тот, поднимая свой бокал.

11. Явь приобретает черты сна и наоборот

Расплатившись за завтрак, Лугин вышел из трактира и осмотрелся. В полусотне шагов мост уходил в густую пелену тумана и пропал в ней, так что неясно было, достиг ли он другого берега или же оборвался на полпути к нему.

Сновавший по набережной народ появлялся и исчезал в тумане по мере приближения к наблюдателю и удаления от него. Мимо прошел молодой человек замечательно хороший собою, но худо одетый. Он шел словно в забытьи, и даже непонятно было, как в состоянии такой глубокой задумчивости ему удастся продвигаться по улице, не наталкиваясь на встречных и не попав до сих пор под извозчика. «Эй ты, немецкий шляпник!» – вдруг заорал ему во все горло из проезжавшей мимо телеги пьяный. Молодой человек остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Она и правда была престранная – высокая, круглая, вся в дырах и пятнах. Словно испугавшись окрика, он сорвал шляпу с головы и, прижав к груди, пошел дальше.

И тут боковым зрением Лугин увидел повернувшую из-за угла женскую фигуру. Это была Альбина. Он бросился за ней, но она двигалась так необычайно быстро, что он едва поспевал. Когда он подошел к дому, дверь уже хлопнула за ней. Ступил в сени – край ее платья мелькнул за углом. Он повернул в коридор, прибавил шагу и обнаружил, что за поворотом открылся новый коридор. О-о, гос-споди, он снова был в том же лабиринте! Он стал искать медную табличку квартиры Штосса, но ее не было. Стал открывать двери одну за другой, обнаруживая за ними тот же клубящийся туман, что и на улице. Но вот в одной из комнат темная фигура ступила к нему так стремительно, что он отпрянул от неожиданности.

– Альбина?!

Она приложила палец к губам и прильнула к нему. Обняв ее, он заговорил, поражаясь неожиданной смелости своих слов:

– Альбина, жизнь моя стала без вас невыносимой. Уедем в Италию! Вы увидите, как восхитительна жизнь на юге, сколько там солнца, цветов, какие ароматы наполняют все вокруг. Уедем, Альбина!

Она остановила его речь поцелуем, и от ощущения прикосновения ее чудесных губ Лугин проснулся.

Он лежал в своей постели. За окном был сероватый петербургский денек, и трудно было сказать – утро ли уже на исходе, или скоро вечер. С трудом он поднялся. Хотелось пить, и он с тоской

подумал, как ему не хватает молчаливых забот Никиты. Одевшись и приведя себя в порядок, он отправился в трактир, где заказал чаю и чуть не залпом осушил одну за другой несколько чашек. Ему полегчало и даже дышать стало легче.

Выйдя на улицу, он постоял и посмотрел еще на знакомо ухודивший в туман Кокушкин мост. Словно из недавнего сна возник потерянный молодой человек в своем невероятном головном уборе. Но тут же внимание Лугина было отвлечено повернувшей из-за угла женской фигурой. Альбина! Он поторопился за ней. Она двигалась так необычайно быстро, что он едва поспевал. Когда он подошел к дому, дверь уже хлопнула за ней. Вошел в коридор – край платья мелькнул в дальнем конце. Он прибавил шагу. На этот раз коридор упирался в дверь со знакомой медной табличкой. Значит, это уже не сон! Он отворил ее и обнаружил расходящийся к полу бархатный занавес с рюшами. Лугин развел его шире и ступил внутрь, оказавшись в переполненном публикой и оттого страшно душном театральном зале.

Зрители, многие с лорнетами, смотрели на небольшую сцену, где сидела, он не поверил своим глазам, Альбина в пестром цыганском наряде. На колене в шелковом чулке она устроила черную с золотым ободом гитару. Над нею возвышался Арон в красной косоворотке с пояском и в фуражке с лаковым козырьком. На груди его тоже была гитара размером с виолончель, вполне однако соразмерная его комплекции. Певица кивнула ему, и он тогда кашлянул в кулак, что стало сигналом для тут же стихшего зала. Зазвенели струны, дуэт с лихой виртуозностью исполнил несколько незнакомых, но ярких мелодий, после которых зазвучал твердый ритм, и Альбина запела каким-то детским и при этом несколько развратным голосом, не лишенным однако приятности:

*Только вечер затеплится синий,
Только звёзды зажгут небеса,
Я в Столярный войду как царица,
Распустив по плечам волоса.
В двери спальни своей ты позволь мне
Тихой тенью ночной проскользнуть,
Чтобы в жарких любовных объятьях
До утра не смогли мы уснуть.
Пропадай же, моя душа,
Я больна, я обескровлена!
Напои же меня допьяна,
Дай мне силы дожить до утра!*

Совершенно неожиданно для Лугина вся аудитория дружно поднялась и надрывным цыганским многоголосьем подхватила:

*Напои же ее допьяна! Дай ей силы дожить до утра!
Посмотри же, она так больна! Так трагически измощена!*

Через головы зрителей Лугин вдруг увидел господина Штосса в расстегнутой серой шинельке, который, стоя перед самой сценой и раскинув руки с растопыренными костлявыми пальцами, крикнул безо всякой полагавшейся его племени сдержанности:

– Жги, дочка! Жги, р-радная!

И артистка ответила ему с таким же надрывом:

– Любовь! Папинька!

И снова зазвучал ее серебристый голос:

*Утром встану я до рассвета,
Губы красные оботру,*

*От любимого тела остывшего
Черной молью в окно улечу!
Пропадай, больная душа,
Я так страшно обескровлена!
Напои же меня допьяна,
Дай мне силы дожить до утра!*

И снова залец взорвался общим припевом:

*Напои же ее допьяна! Дай ей силы дожить до утра!
Посмотри же, она так бледна! Так ужасно обескровлена!*

Пока аудитория буйствовала в исполнении любимой песни, хватаясь за голову и даже утирая слезы восторга, артистка раскланивалась и обеими руками слала почитателям воздушные поцелуи. Наконец, поклонившись в последний раз, она оставила сцену и дворник закрыл занавес. Правда, он тут же вынырнул в просвет, уже в своем обычном армяке и фартуке, чтобы объявить:

– Концерт окончен, прошу всех расходиться.

Аудитория повалила к выходу, и Лугин невольно отступил, пропуская ее. Странное дело – зрители, которых он видел впервые, кивали ему как старому знакомому, похлопывали по плечам, а один тип с совершенно готовьей физиономией схватил за руку и, пожимая ее, все повторял: «О-очень рад за вас, о-о-очень рад!»

Наконец залец опустел, и Лугин прошел к сцене, где обнаружил оклеенную обоями и потому незаметную издалека дверь. Отворив ее, он шагнул в проем, снова оказавшись в коридоре с зелеными обоями. У дверей ближней квартиры стоял Арон, словно поджидая кого-то.

– Арон, как мне Альбину видеть?

– Без цветов-с? – дворник неодобрительно покачал головой. – Это где же такое заведено-с – к артистке и без цветов?

– Цветы потом, где же она?

– Что ж, она вот тут вот, – Арон отворил дверь и отступил, пропуская Лугина и все покачивая головой.

Виктор оказался в комнатке, которая была будуаром Альбины. Она сидела на постели, но при его появлении поднялась. В ее зоре и улыбке еще виднелись остатки того лукавого вызова, который он только что наблюдал на сцене. Он бросился к ней, и та приняла его в свои объятия, словно давно уже ждала этого мгновения. «Любимый, любимый!» – шептала она. Еще минута, когда ему показалось, что он вырывается из одежды, как из собственной кожи, и он ощутил жар приникшего к нему тела. О, вот оно, вот оно, вот оно – долгожданное блаженство!

И тут в дверь постучали.

– Это отец! – ужаснулась Альбина. – Накроемся одеялом! Скорее, скорее, и не шевелитесь!

Они замерли в темноте, ощущая дыхание друг друга. Скрипнули половицы, и шаркающие шаги направились к их постели.

– Альбина, дитя мое, а чьи это у вас панталоны на полу? – раздался голос Штосса. – И вот еще сюртук... Никак у вас гости. В таком случае, кхе-кхе, прошу представить нас, как это полагается в приличных домах-с.

Костлявые пальцы взяли одеяло за край и рванули так, что Лугина обдало холодной волной. Он открыл глаза и прямо над собой увидел бородатое лицо Арона.

– Барин так закричать изволили, что осмелился побеспокоить, – объяснил дворник и отступил на шаг. – Я тут печь как раз к зиме готовил, вот и услышал.

«Значит, и это был сон», – подумал Лугин и осмотрелся.

Одетый, он лежал на своей постели.

– Не подать ли чего его благородию? – поинтересовался Арон. – Может, рассолу-с?

– Нет, иди, – ответил Лугин, ощущая, что не в силах пошевелиться, но и не решаясь просить дворника помочь ему встать.

12. Продана последняя картина

Оставшись один, он долго еще с тоской глядел в закопченный и потрескавшийся потолок, давно забытый, при каком квартиранте его белили, и потерявший всякую надежду на заботы нового. Заставив себя встать, Лугин отправился в обход квартиры в поисках съестного, но не нашел и корки. Заглянул в кошелек – пусто.

– А ведь старик разоряет меня, – подумал он не без удивления.

Он принялся перебирать холсты, сложенные у одной из стен. Наконец нашел тот, который искал – вид южного города: спускающиеся к живописной бухте черепичные крыши и на горизонте едва намеченный в утренней дымке вулкан с курящейся вершиной. Это была последняя оставшаяся работа из привезенных из Италии. Он свернул ее и вышел на улицу.

Ветер, несущийся по ледяному коридору домов, выстроившихся вдоль черного Екатерининского канала, насквозь продувал пальто Лугина, грозясь вырвать из его рук драгоценный сверток. Крепко прижимая к груди свою ношу, он повернул на Садовую, по которой не без труда дошагал до Апраксина переулка. Он так устал от борьбы с пронизывающим ветром, что был вынужден остановиться и прислониться к стене дома. Минута-другая, и, сжимая одной рукой ворот пальто, а другой холст, он пошел дальше. Вот и Щукин двор. Непогода разогнала обычно заполнявший рынок народ, двери большинства лавок были заперты, только в витрине картинной горел свет. Лугин вздохнул с облегчением.

– Господин живописец, наконец-то! Заждались! – приветствовал его маршан. – Ну, покажите свою шедевр, показывайте! – засуетился он. – Спрос на вас просто невероятный!

Развернув холст, он отвел руки так, чтобы получше рассмотреть новую работу, и цокнул языком.

– Шарман, просто шарман! Не вода, а чистая глазури! Да-а, это тебе не наша Фонтанка, так бы и запрыгнул в раму. С натуры писано?

– С натуры.

Лугина раздражал этот нарочито жизнерадостный коммерсант, но что он признавал и ценил – что тот не принижал достоинств его работ, чтобы сбить цену, и настойчиво требовал новых. Ему и в голову не могло прийти, что Лугину давно уже не работалось. В последние недели тот обнаружил, что пальцы его потеряли былое ощущение бумаги, когда он всем существом чувствовал, как слой угля ложится на шероховатую поверхность чистого листа, заполняет его поры, а его рука, глаз и мозг действуют как одно целое.

– Это моя последняя такая работа, – сказал Лугин. – Нельзя ли добавить?

– Минуточку-с, – сладкую улыбку лавочника тут же сменило выражение самого искреннего недоумения и даже обиды. – Уговор, как говорится, дороже денег-с, господин живописец. Империял за картинку, сумма не малая-с.

Слово «картинка» больно ранило слух Лугина, но не пререкаться же ему было из-за такой мелочи. Когда художник покинул лавку, хозяин, чья физиономия тут же сделалась высокомерно насмешливой, заметил:

– Ишь, прохвост! Мало денег, работай больше! Другой бы уже озолотился на своих пейзажиках, а этот ходит тут как привидение нечесаное, тьфу!

Аккуратно уложив приобретение на полку, лавочник сел к столу, достал из ящика лист бумаги, разгладил его тыльной стороной ладони, потом взял перо и, обмакнув в чернильницу, вывел: «Сим извещаю...»

Завершив письмо, он аккуратно свернул его в конверт, воском из свечи скрепил сошедшиеся в центре углы бумаги и поставил печатку. В довершение сего почтового ритуала он подул на еще теплый воск и кликнул мальчишку, дремавшего у печи в дальнем конце лавки.

– К Дерибабушке? – спросил пострел, зевая и почесывая затылок.
– Не к Дерибабушке, а к графине Дерибас, олух! – сказал маршан и дал мальцу такой подзатыльник, что тот оказался у дверей вдвое скорее обычного.

13. Опасная операция на пятом этаже

*Дневник Лугина
27 октября, день.*

Ночью за картами Штосс вдруг спросил:

– Вы, кажется, равнодушны к моей дочери?

Не будучи готовым к такой прямоте, я растерялся, но потом, вспомнив о своем плане, ответил:
– Я бы хотел писать ее портрет, если вы не станете возражать.

– О-о, портрет?! – приятно изумился он. – Это было бы так любезно с вашей стороны, особенно с учетом несчастных обстоятельств, в которых она пребывает. А так отцу останется память, напоминание об увядшей жизни.

– Каких обстоятельств? – не понял я.

– Дело в том, что Альбина, э-э... – он замялся, – не жилец, с вашего позволения-с.

Я отложил карты.

– Нельзя ли подробней?

Штосс тяжело вздохнул и сокрушенно покачал головой.

– У фройляйн – малокровие.

– Могу ли я помочь?

– Есть здесь у нас один медик, – отвечал старик после паузы и по-прежнему не отрывая своих мутных с красным ободом глаз от карт. – Некто господин Вольф Андрей Мартынович. Лондонской выучки лекарь. Так вот, он делает одну операцию – рискованную, но в высшей степени благоприятно сказывающуюся на здоровье пациента.

– Какую же?

Штосс поднял на меня испытующий взгляд и сказал:

– Он переливает кровь от здорового человека к больному.

– Да разве такое возможно?!

– Да-с, возможно. Медик соединяет вены трубкой, вот, собственно, и все. Здоровой крови берется не очень много, но и ее достаточно, чтобы вдохнуть в больного жизнь. Как отец я, конечно же, предложил себя, но получил отказ – немолод и не вполне здоров сам. Да, так-то вот. А просить кого-то, подумают невесть что-с, сами понимаете...

Он замолчал.

– Вы можете всецело рассчитывать на меня, – твердо сказал я.

Под утро, когда Штосс сообщил новость явившейся за ним Альбине, та подошла ко мне, взяла за руки и обратила ко мне свое лицо. Казалось, у нее не было сил вымолвить и слова благодарности, все было сказано взглядом. Он сиял.

29 октября, вечер.

О том, что все это мне не приснилось, как приснился давеча потешный цыганский театр, говорит повязка на руке да страшная слабость в теле. Я предполагал, что операция пройдет в квартире Штоссов, но ее решили делать у меня. Арон установил рядом с моей кроватью низкий топчан – для Альбины. Такое положение должно было способствовать естественному течению крови – сверху вниз. Потом он принес несколько мисок, поднос с какими-то инструментами, смотреть на которые я избегал, взбил и устроил подушки. Действовал он при этом с неподдельным энтузиазмом, все приговаривая: «ну вот как-то так, как-то так», словно речь шла о его дочери, а не дочери его хозяина. Я думал, что все будет происходить при свете дня, но лекарь явился уже в сумерках, объяснив поздний визит сильной занятостью. За ним в освещенную свечами комнату

вошла Альбина. Укладываясь, она ободряюще улыбнулась мне. Устроив голову на подушке и закрыв глаза, она продолжала улыбаться. Операция, кажется, совершенно не страшила ее. В мыслях я представлял, что когда кровь моя польется в нее, мы возьмемся за руки. Какая близость может быть ближе кровной, но мне хотелось усилить ее физическим ощущением. Увы, меня усыпили с помощью хлороформа, безжалостно лишив чудесных переживаний.

Я очнулся в собственной постели, в комнате было как обычно. Видимо Арон прибрал все после операции. Вопрос, который теперь не оставляет меня: поможет ли это переливание Альбине?

30 октября, вечер.

Утром явился Арон с подносом, на котором стояла тарелка с бифштексом и бутылка порвейна.

– По распоряжению дохтура-с, – объяснил дворник.

Никогда не ел мясо с таким наслаждением, и когда оно кончилось, убрал хлебом со дна тарелки остаток розового от крови жира. Страшно клонит в сон. Все мысли об Альбине. Вино, конечно, придает им известную смелость!

14. Благодарность Альбины превзошла ожидания Лугина

Дневник Лугина

Ноябрь 3-е.

Вечером, только я зажег свечу, постучали. Я ожидал увидеть дворника, вдруг взявшегося ухаживать за мной, но обнаружил на пороге Альбину. Ступив в комнату, она бросилась мне на грудь: «Вы спасли меня... Благодарю вас, благодарю!»

«Это, конечно же, сон», – успокоил я себя. Но ее близость, о которой я так мечтал в ночных своих грезах, на этот раз была совершенно реальна. Ее стройный стан, ее грудь, руки... Она же вдруг повела себя со мною как домовитая жена с любимым супругом. Стала что-то расставлять, поправлять, уложив меня в постель и накрыв пледом, исчезла и тут же появилась с горячим шоколадом. Сев рядом со мной на постели, смотрела, как я пил его. Потом, взяв у меня чашку, сидела с ней, глядя на меня совершенно, да-да, ошибиться тут было невозможно, влюбленными глазами. В комнате было тихо, только потрескивали поленья в печи. Взяв ее руку, я сказал:

– Альбина, я совершенно не знаю ни вас, ни вашей жизни, расскажите что-нибудь о себе.

– О себе? – удивилась она. – Что же рассказывать?

– Может быть что-то о детстве, ведь в детстве происходит все самое главное, разве не так?

Она задумалась, потом поставила чашку на стол и прилегла рядом. Подперев одной рукой голову и глядя в пространство перед собой, будто пытаюсь увидеть там собственное прошлое, она начала:

– В детстве папенька отдал меня родне в деревню. Он считал, что на свежем воздухе я стану здоровее. Там, в деревне, я любила осень. Позднюю осень, когда уже уберут хлеба, окончат все работы, когда уже в домах начнутся посиделки. Тогда всё становится мрачнее, небо хмурится облаками, желтые листья стелются тропами по краям обнаженного леса, а лес синее, чернеет, – особенно вечером, когда спустится сырой туман и деревья мелькают из тумана, как великаны, как безобразные, страшные привидения. Запоздаешь, бывало, на прогулке, отстаешь от других, идешь одна, спешишь, – жутко! Сама дрожишь как лист; вот, думаешь, того и гляди выглянет кто-нибудь страшный из-за этого дупла; между тем ветер пронесется по лесу, загудит, зашумит, завоет так жалобно, сорвет тучу листьев с чохлых веток, закрутит ими по воздуху, и за ними длинную, широкою, шумною стаей, с диким пронзительным криком, пронесутся птицы, так что небо чернеет и всё застилается ими. Страшно станет, а тут, – точно как будто слышишь кого-то, – чей-то голос, как будто кто-то шепчет: «Беги, беги, дитя, не опаздывай; страшно здесь будет тотчас, беги, дитя!» – ужас пройдет по сердцу, и бежишь-бежишь так, что дух занимается.

Она опустила голову на мою подушку – лицом к лицу, как бывает в момент откровенности у детей. Руки наши как-то незаметно от нас сошлись вместе, я ощутил ее дыхание. Она продолжала шепотом:

– Прибежишь, запыхавшись, домой; дома шумно, весело; раздадут нам, всем детям, работу: горох или мак шелушить. Сырые дрова трещат в печи, старая няня рассказывает про старое время или страшные сказки про колдунов и мертвецов. Мы, дети, жмемся подружка к подружке и вдруг замолчим разом... чу! шум! как будто кто-то стучит! Ничего такого нет, это гудит самопрялка у старой Фриды; сколько смеху бывало! А потом ночью не спим от страха; находят такие страшные сны. Проснешься, бывало, шевельнуться не смеешь и до рассвета дрогнешь под одеялом.

Она замолчала и смотрела широко раскрытыми глазами. Я поцеловал ее, и она ответила на мой поцелуй. Как сладостен он был!

Та ночь стала первой ночью нашей тайной любви. Незадолго до полуночи, когда я, опьянев от всего, что мне казалось доселе невозможным, в очередной раз приник к ее губам, за дверью спальни раздалось знакомое покашливание.

Упреждая мой испуг, Альбина коснулась пальцем моих губ и, выскользнув из постели, стала бесшумно одеваться. Уходя за ширму, она послала мне воздушный поцелуй и исчезла.

В ту ночь я проиграл старику полуимперал и, сославшись на усталость после операции, простился с ним. Он без лишних слов ушел. Я вернулся в спальню, ожидая найти там Альбину, но ее не было. Как она проскользнула мимо нас, не представляю. Засыпая, я видел перед собой ее лицо. Какое неожиданное развитие событий! Что день грядущий нам готовит?

15. Василий Николаевич идет в ночное

Повариха Лизавета Гавриловна, или попросту Лизавета, была не только поварихой дома Де-рибасов, но и его истинным мажордомом. В свое время ее привезли в Санкт-Петербург из новороссийского поместья семьи нянчить маленькую Веру. Когда девочка выросла, у нее появилась гувернантка-француженка, но, видя, что Вера жить не может без своей няньки, ту оставили в доме.

Этому способствовало и то, что Лизавета как-то незаметно сделалась правой рукой распорядившегося на кухне лионского кулинера – месье Этьена Крузана. Вместо белого поварского колпака он носил красную турецкую феску и грандиозные усы, способные украсить физиономию любого боевого генерала. Секрет его кулинарного мастерства заключался в том, что как бы замечательно ни было приготовлено то или иное блюдо, ахи и охи гостей за столом вызывало другое: клубника, украсившая свиные ребра, утка в смородиновом соусе с лепестками орхидеи и, наконец, блины с расплавленным шоколятом под ванильной пудрой с малиной и листиками мяты.

– И больше либерте на тарелка! Больше простор! – наставлял ученицу изобретательный француз. – Полная тарелка – для грубый пейзаж, настоящий аристократ хочет натюрморт!

Чему он мог научить свою помощницу за пределами кухни – даже не спрашивайте. Для этого требуется отдельное повествование. Сейчас скажем только, что месье Крузана оторвала от Лизаветы безжалостная одесская чума. Она унесла и жизнь родителей Веры. Супруги покинули столицу, чтобы провести лето у моря, захватив с собой и повара-француза. Графиню спасло то, что она уже находилась при дворе в качестве фрейлины ее величества.

Первым из домово́й прислуги под Лизаветин каблук попал влюбившийся в хозяйственную хохлушку Василий Николаевич. Оставшаяся не у дел после смерти хозяев, потерявшая милого друга и учителя, Лизавета ответила дворецкому взаимностью. И даже если изначально за ее поступком мог быть расчет, то потом, как говорится, все стерпелось и слюбилось наилучшим образом. Пусть Василий Николаевич не отличался широтой и игривостью мысли француза, но мужчина он был видный и при завидном, в глазах остальной прислуги, служебном положении. Ну, и как уже тут не добавить, что с иностранцем можно, конечно, получать самые острые удовольствия, а вот жить лучше с тем, с кем и говоришь и думаешь на одном языке.

В большом доме на Литейном у каждого из наших героев была своя комната, но в отсутствии всякого надзора Василий Николаевич поселился у Лизаветы Гавриловны в качестве мужа.

Именно по причине этих почти семейных отношений повараха лично экипировала дворецко-го для выполнения задания графини. Она сама проследила, чтобы тот надел теплые исподнее, толстые носки, и присовокупила к этому фляжку с хреновой настойкой собственного изготовления.

Уже стемнело, когда Василий Николаевич появился в Столярном переулке. Лишь в одном интересовавшем его окне дома № 13 горел свет. Осмотревшись – не видит ли его кто, наш разведчик устроился на другой стороне улицы в закутке между деревянным забором и глухой боковой стеной дома. Угол строения прикрывал его от ветра, но ледяная морось попадала за поднятый воротник, заставляя поеживаться от холода. Он наблюдал, но наблюдать особо было не за чем. Единственно видимый ему потолок одной из комнат квартиры в пятом этаже был освещен, но что происходило в самой комнате, было совершенно непонятно.

Через час переминовения с ноги на ногу Василий Николаевич ощутил, что силы начали покидать его. Он достал часы и, шурясь, стал всматриваться в циферблат. Фосфорные стрелки приблизились к полуночи и, чтобы хозяин не усомнился в этом, часы мелодично тренькнули, отметив начало новых суток.

Разведчик спрятал хронометр, достал фляжку и сделал добрый глоток согревающего. Наливка побегала по организму жаркой волной, и для закрепления эффекта он сделал еще глоток. Пряча фляжку, Василий Николаевич услышал приближающийся стук каблучков по деревянному тротуару. Он замер. В обманчивом свете проглянувшей из-за облаков луны он увидел фигуру женщины. Судя по легкому шагу, она была молода. Подойдя к воротам дома Штосса, она привычным движением толкнула узкую дверь в воротах и исчезла за ними.

Неведомая сила, а может быть, это была настойка, подтолкнула Василия Николаевича покинуть свой пост. Неловко ступая на оковеневшие ступни, он перебежал узкую мостовую и, осторожно толкнув дверцу в воротах, заглянул во двор. Никого. Вглядываясь во тьму, он скоро заметил полоску света, пробивавшуюся из-под неплотно прикрытой входной двери дома. Василий Николаевич бесшумно подобрался к ней и прильнул ухом – ни звука. Толкнул, и дверь бесшумно, как во сне, отворилась. Он ступил в освещенные огарком небольшие сени. Сдерживая дыхание, толкнул следующую дверь и увидел перед собой уходящую вниз лестницу. Затхлая подвальная сырость, смешанная с едва уловимым запахом осенних цветов, накатила на него. В этот момент огарок за его спиной погас. Сделай он в крошечном мраке неверный шаг – и шум выдаст его. Но тут ему показалось, что нижние ступени лестницы, перед которой он остановился, слабо освещены.

16. Василий Николаевич лишается своего любимого пальто

Дав глазам привыкнуть к слабому свечению, он стал спускаться и скоро оказался в подвале, посреди которого стоял на двух коротких скамьях гроб. С замершим сердцем он ступил к нему. Белое лицо молодой покойницы, освещенное стоявшей у изголовья свечой, еще не было тронута пятнами разложения, и казалось, что она спит. Рассматривая ее, он вдруг заметил, что остроносые сапожки покойницы мокры, как если бы она только что вернулась с улицы.

«Господи помилуй», – прошептал потрясенный Василий Николаевич, и только было поднял руку ко лбу, чтобы осенить себя крестным знамением, как почившая открыла глаза и скосила их на него. Он окаменел от ужаса, а та рывком села и, взявшись руками за края гроба, стала выбираться из него.

«Пресвятая Троица, помилуй мя», – горячо зашептал Василий Николаевич, крестясь и отступая отяжелевшими ногами от ожившей. Та же пошла на него, чуть согнув колени, раскинув руки и оскалив рот, вмиг ставший отвратительно широким, как черный ножевой разрез.

«Господи, очисти грехи наша, Владыка, прости беззакония наша... Господи помилуй, господи, помилуй, господи, помилуй...» – молился дворецкий, пятясь от ведьмы, а та следовала за ним, наклоняя голову, словно выбирала место, в которое собиралась вцепиться зубами.

Видимо это горячая молитва удерживала ведьму на расстоянии от Василия Николаевича, и он шептал еще истовее: «Царю небесный, утешителю души истинный, прииди и вселись в ны...»

И вдруг его осенило, где он видел это жуткое лицо – среди рисунков Лугина в картинной лавке. Так вот какая натурщица была у того!

«Господи помилуй! Господи помилуй!» – повторял он лихорадочно.

Но не судьба была Василию Николаевичу уберечься в ту ночь от нечистой силы. Пятясь, он наступил на рукоять лежавшей на полу дворничьей метлы, потерял равновесие и навзничь грохнулся оземь, пребольно стукнувшись затылком о каменный пол. Секунды, когда он приходил в себя, ведьме хватило, чтобы вскочить на него. Огрев его по заду так, что у дворецкого звезды сверкнули в глазах, она с диким воплем вынеслась на нем из подвала.

Тут уже Василий Николаевич забыл всякие молитвы. Удары палки обжигали его зад и бедра, визг ведьмы оглушал, ветер свистал в ушах. Тело его, вдруг став сильным и гибким, огромными скачками несло его по воздуху. Едва опомнившись, он схватил обеими руками себя за колени, желая удержать ноги, но они, к величайшему изумлению его, подымались против воли и производили скачки быстрее черкесского бегуна.

Только они вылетели из злосчастного переулка, как ведьма потянула его за правое ухо, и Василий Николаевич, заржав от боли, сам не зная как, свернул направо. Екатерининский канал стал черной лентой разматываться под ними, пока они не взмыли на такую высоту, что луна показалась совсем близкой, а город внизу исчез. Сделав гигантскую, верст в десять дугу, они стали опускаться, и вот уже верхушки деревьев замелькали перед глазами, потом они, вихляя из стороны в сторону, понеслись между стволов, и новоявленный Пегас даже зажмурился, чтобы уберечь глаза от ударов веток.

Наконец ведьма сбавила ход, и они оказались у большой поляны, где бурлил в свете факелов и костров праздник. Музыка, крики и смех раздавались отовсюду. Сделав лихой вираж над головами веселого сборища, ведьма в последний раз сжала коленями бока своего коня, хлопнула его ладонью по затылку, и тот побежал, побежал, побежал и не удержался-таки, повалился на землю прямо перед огромным треном.

Отдышавшись, он открыл глаза, и первое, что увидел перед собой, – копыта и поросшие черной шерстью ноги. Поднял голову и даже застонал от ужаса. Сам... с рогами на ослиной голове сидел перед ним.

– Альбина, ты?! – радостно изумился рогоносец.

– *Jawohl, mein Lieblingsführer!* – отвечала наездница, вдруг вытянувшись в струнку и громко ударя каблуком о каблук.

– А это кто? – кивнул тот на Василия Николаевича.

– *Wer? Es ist ein Pferd im Mantel, mein Führer!* – отвечала ведьма с задором, и тут же окружившее их шальное сообщество, оценив ее шутку, захохотало, завизжало, засвистело, выскочили вперед музыканты с гитарами, балалайками и скрипками и забренчали, заблеяли, заголосили:

*К нам приехал конь буланный в замечательном пальто,
Раскрывай же поскорее нам свое инкогнито!*

Василий Николаевич поднялся с колен, отряхнул панталоны и с достоинством, присущим всякому уважающему себя дворецкому, заявил:

– Я конечно, щедротами хозяйки своей не обижен, но конем, осмелюсь доложить, не являюсь. Сообщество замерло от такой вызывающей непочтительности.

– Ах, так ты не ко-онь? – удивилось рогатое чудовище. Подавшись к неожиданному гостю, поставив локоть на колено и перебирая пальцами бороду, чудовище спросило мрачно:

– А кто же ты, если не конь?

– Я, осмелюсь доложить, графини Дерibas человек, – потев от ужаса, но и не без вызова заявил дворецкий, – Василием Николаевичем меня звать.

– Ах, ты графини Дериба-ас человек, – понимающе кивнул рогатый, и снова веселый хор с оркестром, предчувствуя потеху, завизжал и завыл от восторга:

*К нам приехал дядя Вася, дядя Вася дорогой,
он красавицы графини человек дворовой!*

Тут же подле Василия Николаевича образовался мужчина небольшого роста в зеленом мундирном сюртуке и с круглой головкой, поразительно напоминавшей кошачью. Вытаращив круглые глаза, мужчина замурлыкал в нос:

– Да-а уж, хозяйка у тебя не жа-адная, приятель. Шерсть-то – настоя-ящая, а-аглицкая. Не всякий титулярный сове-етник себе такую позво-олит.

– Да-а?! Аглицкая? Невероятно! – заволновалось сборище, и тут же сто рук устремились к дворецкому и вытряхнули его из пальто, за которое началась самая настоящая драка. Минуты не прошло, как произведение портновского искусства было с треском разорвано в клочья, и каждый клочок нашел себе нового владельца. Один поправлял на себе рукав, другой манжет от рукава, третий намотал на шею подкладку черного шелка, а какой-то кучерявый арапчонок урвал две пуговицы, которые с гордостью прижал к груди и осматривался с видом победителя, заполучившего важную награду.

– Так-то, Василий Николаевич, не все тебе в роскоши купаться, надо и простому человеку помочь, – прогудел главный бес и гулко засмеялся.

– Достаток не роскошь, – заметил дворецкий, поеживаясь от холода и ошалело поглядывая на компанию, так и эдак прилаживающую к себе обрывки его гардероба.

– Вам не прохла-адно, милейший вы на-аш? – поинтересовался котоподобный тип, снова подступая к дворецкому и даже выгибая от показного своего доброжелательства спинку. – Сейчас бы к Лизавете Гаври-иловне под перинку, не та-ак ли? Ах, как там тепло-о, как там мя-ягонько! – Он даже зажмурился от удовольствия, словно вспомнил, как и сам почивал на этой перине. – Но вы не волну-уйтесь, милейший, вы будете неме-едленно отправлены назад.

Кот, повернувшись на месте, махнул то ли рукой, то ли хвостом, и тут же перед престолом, просто из-под земли, выскочила со звоном конторка со стеклом и окошечком, за которым оказался упоминавшийся выше арапчонок. Наслюнив карандаш, он поводит им по картонке перед собой, сунул перо за ухо, потом поднялся и, выкатив грудь, звонко объявил:

– Один плацкартный билет первого класса Императорской железной дороги до Литейного проспекта. Дом графини Дериба!

Собравшиеся отозвались аплодисментами, а арапчонок с выражением самой искренней признательности на лице раскланялся во все стороны. Дворецкий шагнул было к кассе, но кудрявый кассир ловко сунул билет в рот, выпучил глаза и развел руки, мол – был билет – и больше нету. А оркестр тут же рванул свой очередной номер:

*Кто не платит, тот не едет ни туда и ни сюда,
За плацкартный свой билетик заплатите два рубля!*

– Да как же я заплачу? – с отчаянием спросил дворецкий. – Был у меня кошелек с ассигнациями в пальто, да вы же, дьяволы, и сперли.

– Ни про какой такой кошелек ничего не знаем, – нагло заявил музыкант с черным каракулевым воротником на голых плечах.

– Нет-нет, ничего такого не слышали, – энергично закивали головами его товарищи.

– Ну, что ж, если вы не при наличных, – сказал мундирный кот, – то рекомендую уни-иженно молить начальство о посильном вспомоществовании.

Видя смятение в лице Василия Николаевича, кот подтолкнул его к трону со словами: «Да, идите, идите же».

– Куда? – не понял Василий Николаевич.

– Лобызайте, лобызайте и просите снизойти-и, – подзуживал тот.

Видя приблизившегося к нему просителя, рогатый неторопливо поднялся с трона, ступил косолапо к дворецкому, повернулся задом и наклонился, чтобы тому было удобней.

– Изыди, сатана! – возопил дворецкий, да так истошно, что окружавшая его нечисть притихла.

– Геро-о-ой, – рогатый снова повернулся к несчастному своей страшной мордой. – Геро-ой. Ну, раз так, тогда и лети к своей графине безо всяких удобств.

Он обошел непочтительного гостя, отвел ногу и отпустил тому такой мощный пендель, что бедолага пробкой от шампанского взлетел под самые облака и, глазом не успев моргнуть, приземлился прямехонько во внутреннем дворе хозяйского дома на Литейном проспекте. Да-а, такой точности мог бы позавидовать даже всемирно известный бразильский бомбардир Эдсон Арантис ду Насименту по прозвищу Пеле, да только он к тому времени еще не родился!

Распластанный на холодной земле Василий Николаевич подождал, когда она уgomонится под ним, потом встал на колени, далее – в полный рост. Качало меньше, но качало. Расставив для равновесия руки, он подошел к окну во втором этаже и дрожащим голосом позвал:

– Лизавета!

Подождав с минуту, он позвал снова, погромче. На этот раз за стеклом появилось заспанное лицо его подруги.

– Хосподи! – только и сказала она, пропуская дворецкого в дом. – Где же это вы были, Василий Николаевич?!

– Ох, где я был, мать, – отвечал тот, усаживаясь на подвинутый ему табурет и утирая ледяной пот со лба. – Не поверишь.

– Ну?

– На шабаше.

– Та ты шо?! – кухарка перекрестилась. – И самого видел?

– Как тебя, мать. Налей-ка мне хреновой.

Осушив одну за другой три полные стопки и закусив их моченым яблоком, Василий Николаевич забрался под еще не остывшую перину своей подруги.

– Пахнешь ты как-то странно, Вася – сказала та, по-собачьи коротко втягивая носом воздух.

– С утра помоюсь первым делом, – хотел ответить он, но не успел, заснул.

17. Лугин осознает, что ему нужна помощь

Дневник Лугина

Ноябрь 10-е

Ее страстный шепот, ее стоны звучат у меня в ушах весь день с той же настойчивостью, с какой раньше звучал адрес дома, в котором я нашел свое счастье. Каким далеким кажется то время, когда я жаловался на терзающий меня голос! Теперь я слышу его постоянно. Сознание моё тускло, словно плохое стекло.

– Не ты ли тогда звала меня сюда? – спрашиваю я ее.

– Ну конечно я, – шепчет она и проводит пальцем по моим губам, словно хочет остановить мои вопросы.

– Но как ты знала, что я приду?

– Я знала, – отвечает она.

– Как же ты выбрала меня?

– О-о, это целая история. – Она откидывается на подушку и закидывает руку за голову. – Однажды я шла по улице и увидела, как у подъезда одного особняка остановилась карета. Дверцы ее открылись, и из нее вышел молодой человек. Он помог выйти из кареты прекрасно одетой молодой даме, и когда она ступила на тротуар, он поцеловал ее руку. Это было так романтично, что я

захотела стать этой дамой! Когда она скрылась за дверьми, а молодой человек отправился домой, я последовала за ним. Это был ты, мой дорогой!

Если то, что она рассказывает – правда, то в августе мы с Верой действительно вернулись с вечера у Карамзиных в ее карете. Мы простились у дверей ее дома. Наш разговор, как многие наши разговоры, так переполнял мои мысли, что я хотел еще побыть один, возвратиться к каким-то ее словам. Я отправился в гостиницу пешком. Да, помнится, мне показалось, что за мной кто-то следует. Я повернулся и увидел женщину в плаще с капюшоном. Мысли мои, однако, были заняты другим, и я тут же забыл о ней.

– Но была ночь, – сказал я. – Ты в это время была на улице?

– Да, отец просил меня выполнить одно срочное поручение. Да разве это важно? – и она снова прильнула к моим губам.

Я прошу Альбину о встрече днем, предлагаю выйти погулять моим излюбленным маршрутом вдоль каналов, полюбоваться тихим светом осеннего солнца на куполах храмов, но она всегда находит оправдание, чтобы уклониться. То ей нужно выполнить отцовское поручение, то просто нездоровится, но в сумерках она появляется снова и набрасывается на меня с энергией, которую не заподозришь в существе, о котором ее папаша недавно говорил как об обреченном. «Твоя любовь, – говорит она, – придает мне сил».

Ноябрь, 12-е

Утром я просыпаюсь обессиленный больше, чем после операции. Штосс со Штоссом и ночи с Альбиной вымотали меня. Сплю целыми днями. Дождь стучит в стекла, барабанит по карнизам, заставляя меня погружаться в гипнотический транс. Я пытаюсь вспомнить, как выглядит моя любовница, вижу изгиб ее губы, жемчужные зубки и засыпаю.

Сегодня обнаружил отсутствие нательного креста. Перерыл постель – нет. Как же я мог потерять его?

Ноябрь, 13-е

Вчера случилась престранная история. Уступив моим настойчивым просьбам выйти на свежий воздух, моя возлюбленная собиралась чуть не весь день и постучала ко мне уже в сумерках. Я едва сдерживал раздражение, но отказываться теперь выходить с ней на темнеющую улицу казалось так же глупо. Мы не дошли еще и до середины переулка, когда на другой его стороне образовалась свора собак. Откуда их столько взялось – не представляю. Они яростно лаяли на нас, некоторые просто истекали пеной от злобы. Хотя свора росла на глазах, что-то сдерживало ее от того, чтобы броситься на нас, как если бы какая-то незримая стена стояла между нами. Наконец Альбина остановилась и воскликнула: «Ах, пойдете домой, неужели вы не видите, что они не пропустят нас?» Мне ничего не оставалось, как последовать за ней. Оглядываясь, я видел, как собаки шли за нами, воя и лая, но так и не осмеливаясь приблизиться. Не представляю, чем бы это окончилось, если бы они оказались решительней.

Дома Альбина стоговила глинтвейн, и, выпив по чашке, мы тут же забрались в постель, где она снова набросилась на меня, обнимая и покусывая, как она любит. Видимо, в этом порыве она и прокусила мне шею, что я заметил лишь утром, обнаружив кровь на подушке – совсем немного – каплю-другую, не более того. Я нашел ранку, когда брился. Мой ночной образ жизни поменял мое восприятие света. День мне теперь кажется нестерпимо ярким, даже когда небо скрыто облаками. В этом ярком свете я и рассмотрел на шее полосу запекшейся крови.

Вчера ночью она снова приникла к моему горлу, вызвав секундное головокружение. Я не поверил, что такое возможно, но когда она оторвалась от меня, я увидел, с каким отстраненным наслаждением она облизнулась. Меня это ужаснуло, но заметив выражение моего лица, она снова прильнула к моим губам, как обычно упреждая таким способом все вопросы. Ее губы были солеными.

Ноябрь 17-е

Меня стало угнетать не столько даже то механическое упорство, с которым Альбина отдает наслаждению, сколько внезапное осознание того, что мои первые рисунки, когда я пытался воспроизвести ее лицо по памяти, имеют поразительное сходство с ней в минуты нашей близости. Ее лицо превращается в страшную маску. Стало быть, глаз мой был точен, да я ему не поверил.

Я говорю ей, что хотел бы повидаться на Рождество с родителями, но она, проводя пальцем по моим губам, это ее излюбленное движение, говорит как обиженный ребенок: «А как же я? Неужели ты бросишь меня?»

– Мы увидимся через две недели от силы, – пытаюсь я успокоить ее.

– Неужели ты не понимаешь, что это вечность, что без тебя сердце мое разорвется?!

– Без моей крови?

– Да-да, – шепчет она, прикивая ко мне, и снова жаркая темнота накрывает меня. – Ты не понимаешь, я, бывает, хочу просто выпить тебя всего, просто вот взять и проглотить тебя, чтобы ты был весь внутри меня, чтобы ты там внутри стал мной.

– Так это ты мне горло прокусываешь?

Она смеется, жарко дышит на меня, говорит:

– Ты что, думаешь, я собачка какая-то? Не-ет, вот у меня тут специальный ножичек есть, видишь?

Она тянет цепочку и показывает скрывавшийся между грудей крохотный нож белого металла, который я было принял за удлиненный католический крест.

При всей моей утомленности ею, я больше не могу без нее. Если она задерживается вечером хоть на полчаса, меня одолевает мучительный жар. След, оставленный ее ножичком, воспаляется и зудит так, что я готов разорвать себе горло, чтобы выпустить наружу хоть немного моей отравленной крови. Когда страдание мое становится несносным, я надеваю смоченный в ледяной воде шелковый шарф, подарок моей маркизы. Это приносит мне временное облегчение, но только ощущение губ Альбины на горячей коже прекращает эту пытку и дарит ни с чем не сравнимое блаженство.

Старик прекрасно знает о наших отношениях. Вчера, когда я вышел к нему из спальни, он уже сидел за столом и, привычно перетасовывая карты, спросил с толикой нетерпения: «Ну, что, вы уже освободились?» Как же нужно любить деньги!

Михайлов день

Просыпаюсь от колокольного звона. Выхожу на улицу. Снова из тумана выныривает тот же молодой человек в дырявой шляпе. Я ему: чего звонят? Он: Архистратига Михаила отмечаем, сударь. Праздник этот напоминает нам о грядущем Соборе всех Сил Небесных, который в День Страшного Суда Божьего собирается. Вот когда нам всем за свои деяния отвечать предстоит. Говорит и уходит своей дорогой. Неужели снова сон? Бреду назад. У дома останавливаюсь и долго рассматриваю его. Здание невелико – шесть окон по фасаду и шесть по боковой стене. Откуда же в нем такой лабиринт? В квартире уже мне приходит мысль составить карту, проверить каждую дверь и заодно найти квартиру, где живет моя ненасытная любовница. С картой, конечно, не заблудишься. Беру лист бумаги, карандаш и ныряю в коридор с зелеными в полоску обоями. Первая же дверь оказывается отпертой. Вхожу. В комнатке продавленный диван под рваным пледом, стол и стул. На столе огарок в блюдце и книга. Подхожу, это – Священное писание. Сев, открываю наугад и читаю:

«Мед источают уста чужой жены, и мягче ея речь ее; но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый; ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней.

Держи дальше от нее путь твой и не подходи близко к дверям дома ее, чтобы здоровья твоего не отдать другим и лет твоих мучителю; чтобы не насыщались силою твоею чужие, и труды твои не были для чужого дома.

И ты будешь стонать после, когда плоть твоя и тело твое будут истощены, — и скажешь: “зачем я ненавидел наставление, и сердце мое пренебрегало обличением, и я не слушал голоса учителей моих, не приклонял уха моего к наставникам моим: едва не впал я во всякое зло среди собрания и общества!”

Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя».

Слезы легко и обильно полились из меня. Вера-Вера, ты ли мой колодезь? Почему пренебрегаю я тобой?

Декабрь, не знаю числа.

Я болен. Бывает, я испытываю такую слабость, что не в состоянии пошевелить рукой, подняться с постели, выйти в трактир. Как мне не хватает Никиты! Голова в тумане, в теле жар. Открою глаза — день, закрою и открою — ночь, горит свеча, поверну голову, есть ли Альбина, но и ее нет. Кто же тогда зажег свечу? Я совершенно один, и если умру, то так ни с кем и не простившись. Вера-Вера, помнишь ли ты еще обо мне?

Декабрь, не знаю числа.

Снова проснулся от звона колоколов, едва добрался до окна, распахнул его, мороз обжег лицо, сковал дыхание. А все легче стало. Крыши подо мной сплошь укрыты снегом, от печных труб вьются к низкому серому небу белые косы дыма. Неужели уже Рождество? Нет, быть такого не может. На Рождество, куда ни пойдешь, где ни окажешься, воздух пахнет хвоей. Наверное, Введение во Храм Богородицы. Хорошо бы сходить к причастию, но как исповедоваться? Что расскажу о своей нынешней жизни? Да и кто поверит во все случившееся со мной? Скажут — безумец, еще и в желтый дом улечут. А может быть мне и правда место в нем? Так я стоял в оцепенении у окна, пока явственно не ощутил в холодном воздухе запах ладана. Как чудесен, как животворен он был! Я оделся и вышел.

18. Происшествие в Никольском Морском

Запаздывавшая к литургии Лизавета Гавриловна неслась со всех ног по Садовой, когда на ее пересечении с Большеподъяческой вынуждена была придержать свой бег. Прямо перед собой она увидела человека, который двигался по тротуару странно широким зигзагом, как если бы преодолевал некую невидимую преграду. Иногда он беспомощно оглядывался, и она видела, что на изможденном и небритом лице его было написано отчаянное страдание. При этом бедолага совсем не напоминал человека выпившего сверх меры. Скорее это был душевнобольной, терзаемый своим внутренним бесом. Оттолкнувшись всем телом от стены дома, он как по уходящей из-под ног палубе бежал к фонарному столбу у кромки тротуара, хватался за него, потом, отдышавшись и собравшись с силами, отправлялся к следующей опоре. Раз, потеряв равновесие, он упал в грязный снег на колени, но все же дополз до стоявшего рядом возка и, придерживаясь за его бок, поднялся. Когда он только осматривался, намечая свой дальнейший маршрут, извозчик так огрел его кнутом, что он снова упал. Кругом смеялись, ругались, но Лизавета Гавриловна, заметившая, что страдалец был в недешевом, хоть и крепко испачканном грязью платье, присмотрелась к нему и не без изумления признала одного из гостей своей хозяйки. Она последовала за ним и на углу Никольского поняла, что молодой человек направляется туда же, куда шла и она — в Никольский Морской.

Перед храмом народу стало больше, и это облегчило движение Лугина. Толпа внесла его внутрь. Служба еще не началась, и храм был наполнен негромким гулом, почти перекрывавшим голос чтеца на клиросе. Лугин, ни на кого не глядя, двинулся прямо к аналою, делая такие движения, словно отрывал от себя хватавшие его руки. Когда до аналая оставалось уже с десяток шагов, какой-то невидимый вихрь поднял его в воздух и бросил на пол. Гулко ударившись затылком о мрамор, он замер. И удар этот, и общий «ох!», и страшный крик, который он издал в своем ко-

ротком полете, заставил паству обернуться к нему и замереть. Со всех сторон послышалось: «Что это?», «Кто это?».

Вокруг Лугина образовался круг, но случившееся было настолько поразительно, что никто не решился прийти к нему на помощь. Этот круг минуту-другую оставался неподвижным, пока из него не выступила молодая женщина в черном шелковом салопе с роскошным песцовым воротником. Встав на колени перед лежащим и взяв его голову в свои руки, она стала всматриваться в него и, наконец, выкрикнула с испугом и болью:

– Виктор Юрьевич, вы ли это?!

И тут же подняла лицо к окружающим:

– Помогите вынести! Скорее!

Рядом с ней тут же оказалась девица в пестром платке с цветами, которая зычным голосом поинтересовалась, есть ли тут мужички, и если есть, чтобы подсобляли. Мужички тут же нашлись, к упавшему протянулись руки, толпа расступилась, и его мигом вынесли из храма. Все это время он оставался без чувств. Больного доставили в дом на Литейном, куда был срочно вызван медик.

Это был Иван Геласьевич Авраамцев, проживавший в Поварском переулочке, минутах в десяти ходу от дома графини. Представительный мужичина с аккуратно подстриженной бородой и строгим взглядом, он выучился медицине за рубежом, но при этом не скрывал скептического отношения к новомодным методикам своих западных соучеников. Нет, Иван Геласьевич, конечно же, прекрасно сознавал, что состоятельный народ рад расхотаться на все экзотическое, но сам следовал лишь правилам, многократно проверенным опытом предшественников. Он не остерегался растерять клиентуру, зная, что те, кто раз прибегал к его помощи, в конечном итоге возвращаются к нему.

Осмотрев пациента, коснувшись рукой его лба и измерив пульс, доктор попросил дам покинуть комнату, а дворецкого остаться для оказания деликатной помощи. Осматривая исхудавшее тело Лугина, о котором в пору было сказать кожа да кости, медик особое внимание уделил ранам на шее больного. Достав из саквояжа увеличительное стекло, он попросил дворецкого держать свечу поближе и стал рассматривать их.

– Клопы? – поинтересовался дворецкий.

– Нет, брат, тут зверь пострашнее.

Снова одев больного, который так и не пришел в сознание, Иван Геласьевич велел позвать стоявших за дверью женщин.

– Ну, говорите скорее, милый доктор, что с ним? – потребовала графиня.

– Крайняя степень истощения, Вера Осиповна. Крайняя, – лекарь покачал головой сокрушенно. – Такое впечатление, что он долго голодал, но как такое возможно? Ведь он не беден, да и связи у него есть.

– Последние месяцы он отказался общаться со старыми знакомыми, в том числе и со мной.

– Вот как. Не сочтите за досужее любопытство, Вера Осиповна, но не скажете ли, при каких обстоятельствах он попал к вам?

Графиня подробно сообщила о случившемся в Никольском Морском. Внимательно выслушав ее, медик заключил:

– Он молод, Вера Осиповна, и вся надежда на это. В качестве лечения пока порекомендую обильное питание и покой. А всего лучше увезти его отсюда куда-то на юг, на укрепляющие воды. На Кавказ, а то и в Италию. Тэрмы там бесподобные. А пока я дам вашей Лизавете Гавриловне рекомендации для изготовления одной целебной настойки.

На кухне лекарь уселся за стол и, внимательно выслушав версию кухарки о тех же событиях с участием Лугина, уточнил:

– Точно он не сам подпрыгнул?

– Да так не подпрыгнешь.

– Значит, микстура простая, матушка. Сделаешь чесночную настойку и будешь ей протирать ранки на шее и везде, где заметишь такие же. Смотри особенно внимательно на запястья и сгибы

рук, где вены видны. Ноги тоже осматривай. Также положишь под перину несколько вязок чеснока, можно и на окна повесить, и возле дверей разместить, но так, чтобы в глаза не бросалось. Ну и молитесь за его здоровье, да поусерднее.

В ответ Лизавета Гавриловна, осмотревшись по сторонам, чтобы ее никто не слышал, наклонилась к медику и сказала:

– Я так и подозревала, Иван Геласьевич. И как вы человек глубоких знаний, сообщу вам совершенно невероятную историю, которая приключилась днями с моим Василием Николаевичем. А что до чесноковки, так она у меня уже готова, потому что я же сразу сообразила, с чем мы тут дело имеем. Не желаете ли стопку для инспекции качества, так сказать?

– Если с легкой закуской, то не откажусь, – отвечал эскулап, ослабляя указательным пальцем галстук. – И заодно Василия Николаевича позовите. Невероятные истории лучше слышать из первых уст.

19. Графиня берет на себя заботы о Лугине

Лугин пришел в себя в залитой светом комнате. Все в ней – постельное белье, стены, занавеси были пропитаны солнечным сиянием, радовались ему, купались в нем. Он ощущал блаженное бессилие и покой. Так могло быть в потустороннем мире, где у человека не было больше никаких печалей и желаний. «Неужели я умер?» – подумал он, но тут же другая мысль опечалила его: «Нет, не такой свет уготован мне».

Он лежал так, наслаждаясь своей неподвижностью, когда дверь отворилась и в комнате появились две фигуры. Одна из них, присев на край постели, наклонилась к нему, и он узнал графиню Веру.

Легкая рука ее прильнула к его лбу, она улыбнулась ему, и в этих улыбке и взгляде было столько участия и заботы, что слезы обожгли его глаза и судорога сковала лицо.

– Ну, ну, *top ati*, все уже хорошо, вам не о чем переживать.

Графиня утерла его лицо платком, и от легких касаний ее руки слезы потекли еще обильней. Он взял ее руку и прижал к губам.

– Ничего не говорите сейчас, вам нельзя волноваться, все объяснения после. Позвольте мне побеспокоиться о вас, хорошо?

Когда графиня ушла, бывшая с ней девушка принесла на подносе обед и помогла ему сесть повыше на подушках. Руки у нее были крепкие, привычные к работе.

– Вам помочь, барин? – спросила она, с интересом разглядывая больного.

– Настя, ты ли это? Я ведь тебя помню. Зови меня Виктор Юрьевич, какой я тебе барин?

– Хорошо, Виктор Юрьевич. Так помочь или сами?

– Сам, Настя.

Он стал подниматься, но это стоило ему таких усилий, что девушка все же помогла ему сесть и поправила подушки за спиной. Лугин взял поданную ложку, но рука так задрожала от слабости, что пришлось опустить ее. Настя стала кормить его. Сделав несколько мучительных глотков Лугин показал, чтобы она остановилась.

– Как же это вас, барин, так угораздило?

Он обессиленно откинулся на подушки. Прошлое начало восстанавливаться в памяти, проступать в деталях: лязг серебряных мисок с кровавыми полумесяцами на дне, горячие и соленые на вкус губы, мерзкий старик, сгребаяющий костлявой рукой монеты со стола. Ужас накрыл его на минуту.

– Барин! Виктор Юрьевич! Что с вами?!

Он открыл глаза, чтобы вырваться из захватившего его видения, и тут же комната, накренившись, поплыла в сторону, и так резко, что он схватился за край постели.

– Да вы белей подушки, барин! – Лицо Насти снова возникло перед ним. – Не позвать ли лекаря?

– Нет, нет, уже прошло.

– Виктор Юрьевич, выпейте портвейну, – девушка наполнила рюмку и подала ему. – Прошу вас. Сейчас – самое то принять.

– Оставь на столе, Настя, как бы меня не стошнило. Я позже.

С наступлением темноты у больного началась горячка, он покрылся испариной, рубашка его сделалась мокрой. Он не отвечал на обращенные к нему вопросы, и тогда снова послали за Авраамцевым. Осмотрев пациента, лекарь снова велел обтирать его приготовленной Лизаветой настоек и давать больше пить.

Настя осталась с больным и несколько раз ночью, когда он начинал метаться в жару, клала ему на лоб компресс. За полночь уже в комнату пришла графиня с книжечкой акафиста пресвятой Богородице. Они встали на колени перед образом и стали читать. Закончив, Вера поднялась с колен и подошла к больному. Глаза его были закрыты, он дышал глубоко и спокойно.

Утром, вернувшись к Лугину, она обнаружила его еще спящим. Рядом в кресле спала, свернувшись клубочком, Настя. Графиня тихо-тихо присела на край постели и рассматривала Лугина. Он исхудал, постарел, скулы остро проступили под побелевшей кожей, глазницы углубились, в густых волосах появились серебряные нити. Но лицо его было спокойно. Вера наклонилась и коснулась губами его лба. Больной раскрыв глаза и стал всматриваться в графиню, словно не узнавая ее. Потом взял ее руку и положил себе на грудь.

Прав был врач – молодость взяла свое. Через неделю уже Лугин ходил без помощи Насти и обедал в столовой с графиней. В канун Рождества он впервые вышел из дому. Снег сиял на солнце, в морозном воздухе, наполненном безошибочным праздничным ароматом хвои, слышен был скрип полозьев, заскляциния возниц, детские крики. Витрины украсились еловыми ветвями, красными, белыми и золотыми лентами. Они поехали по Дворцовой набережной вдоль скованной льдом Невы. Ощущение света и простора, рука графини в его руке наполняли Лугина счастьем, но оно было неполным. В памяти гнездились воспоминание, как он умолял Альбину выйти из страшного дома и как их единственная попытка покинуть его окончилась встречей со сворой собак.

Прошлое, как сон, то отдалялось от него, то возвращалось в самые неожиданные моменты, как это случилось, когда графиня сказала, что перед Рождеством собирается к исповеди и спросила, не хотел бы он присоединиться к ней. Вопрос застал Лугина врасплох.

– Пока нет, – отвечал он, ощущая, как краска бросилась в лицо. – Я не готов, Вера.

– Я вижу, что тебя снедает какая-то большая забота, Витюша, – сказала она, садясь возле него и беря его руку в свои. – Кому как не мне ты можешь довериться? Увидишь, как тебе станет легче.

Он с благодарностью пожал ее руку и покачал головой. Он знал о ее готовности принять и разделить его боль, но как ей, именно ей, он мог рассказывать о ласках другой! В какую форму ни облекал он свой рассказ, он положит конец их отношениям. Он даже застонал от бессилия, слезы обожгли глаза и, целуя ее руку, прошептал: «Прости меня, Вера, прости... Не могу».

Графиня отправила письмо родителям Лугина с заверениями в том, что Виктор выздоравливает и под надзором врача. В ответном письме Надежда Ивановна Лугина благодарила за помощь и предлагала отправить сына домой, где его встретит любящая семья, либо же по крайней мере вернуть ему в помощь Никиту. Но Виктор, хоть и вспомнил отчий дом, готов был последовать совету лекаря и отправиться в совершенно другом направлении, лишь бы подальше от столицы.

– Хочешь, съездим в мое поместье под Одессой? – предложила Вера. – Море ничуть не хуже, чем в Италии, дом прекрасный, и даже есть настоящий бассейн! Виды для занятий живописью – чудесные: обрывистые берега, степь, дубравы, а характеры-характеры! Местные селянки так и просятся на холст! Да и меня ужасно тянет в родную Новороссию, ведь я там выросла! Одесса – совсем небольшая, но такая уютная! Новые дома, театр, кофейни, огромная лестница спускается прямо в порт, и цветы-цветы, повсюду цветы! Поедем?!

Видя, с каким волнением графиня ждет его ответа, он улыбнулся ей и совершенно неожиданно и для себя и для нее шагнул к ней и, взяв за плечи, привлек к себе.

– Поедем!

Она не стала отстраняться.

– Тогда в мае! Самое чудесное время. Все просыпается вокруг, как будто жизнь начинается заново. Пусть она начнется заново и у нас.

Лугин снова вернулся к любимым занятиям. Его комната наполнилась запахом скипидара, холстами, рулонами бумаги. Вера с удовольствием позировала ему, и он получил прекрасную возможность спокойно и вдумчиво изучать ее внешность, искать в ней то, что безошибочно передаст суть ее характера.

Поразительны, истинно поразительны были ее глаза, исчерна-серые, с зеленоватыми отливами, с поволокой, длинные, как у египетских божеств, с лучистыми ресницами и смелым взмахом бровей. Странное выражение было у этих глаз: они как будто глядели, внимательно и задумчиво, из какой-то потусторонней дали. Порой Виктору казалось, что обладательница такого взгляда не может не знать тайну его болезненной страсти, неумолимой тяге к другой. И от мыслей об Альбине низ живота сжимался от приливавшей горячей волны желания.

20. Новый распорядок жизни Лугина обрывают таинственные стуки

Всякий больной, научившись прислушиваться к своему организму, создает наиболее благоприятный для него режим. Так и Лугин, опасаясь ночи, которая, как ему казалось, таит опасность встречи со своими воспоминаниями, делал все, чтобы ложиться как можно позже. Они с графиней ездили в гости, уже не стесняясь слухов об их очевидной близости или дружелюбных и всегда поощрительных намеков друзей на скорый брак. Дома они подолгу засиживались за шахматами или же, взяв книги, устраивались друг напротив друга в креслах. Бывало, почувствовав на себе пристальный взгляд Лугина, графиня отрывалась от чтения и смотрела на него, улыбаясь и словно говоря: терпение мой друг, скоро-скоро мы будем вместе.

Однажды, вернувшись в свою комнату, Лугин сел на постель и стал раздеваться. Глаза слипались, и он знал, что стоит коснуться щекой подушки, как сон одолеет его. В этот момент он услышал звук, как если бы кто-то постукивал с другой стороны стены. Тук-тук, потом пауза и снова: тук-тук.

Лугин поднялся, подошел к стене, за которой стучали, и приложил к ней ухо. Ничего. Он вернулся к постели и, как только сел на нее, снова услышал: тук-тук, тук-тук.

Сон как рукой сняло. Он вышел в коридор. Из-за поворота его шел свет и страшная крючковатая тень, похожая на спрута, шевелилась на стенах и потолке. Он замер от неожиданности, потом, совладав с собой, прошел вперед. За поворотом дворецкий, поставив канделябр на пол, поправлял висевшую на стене картину. Отступив от нее на шаг, он посмотрел, ровно ли она висит, и снова чуть-чуть подправил. Наклоняясь за канделябром, он увидел Лугина.

– Виктор Юрьевич, вы?! – он явно испугался неожиданного появления гостя, потом с видимым облегчением отступил к стене, давая тому проход. – Прошу вас...

Но Лугин, приложив палец к губам, жестом пригласил дворецкого следовать за собой. В комнате Лугин показал, чтобы дворецкий сел рядом с ним на постель. Они присидели так несколько минут, в течение которых Василий Николаевич посматривал на гостя с удивлением, но тот только прикладывал палец к губам, а потом предостерегающе поднимал в воздухе.

«Тук-тук» – снова постучали, и Лугин показал на стену, а дворецкий с удивлением посмотрел на него. «Тук-тук».

Дворецкий со словами «Господи помилуй» перекрестился и еще не успел опустить руку, как из-за стены раздалось оглушительное «Бах!». И потом мелкое и постепенно затихающее «тук-тук-тук-тук-тук».

– Виктор Юрьевич, – сказал дворецкий с изменившимся лицом, – это демоны.

– Как вы знаете? – спросил Лугин.

– Там за стеной ничего нет. А до следующего дома не менее аршина.

– Но кто-то же мог и забраться.

– Это вряд ли, Виктор Юрьевич. Тот, кто забрался, уж слишком сильно жажнул по стене, когда я перекрестился. Простой человек через стену видеть этого не мог. Это – демоны.

– Ну-ка, давайте вместе попробуем, – сказал Лугин, и только было поднял руку ко лбу, как за стеной застучало так сильно и громко, что даже приставленный к ней столик задрожал на своих тонких ножках и отодвинулся от нее.

Оба замерли и тут же подскочили от стука в дверь.

– Я открою, – Лугин поднялся, осмотрелся и взял с полочки под мольбертом нож. Дворецкий взял со стола канделябр, держа его обеими руками, как воины держат меч. Ступив к двери, Лугин распахнул ее.

На пороге стояла Настя.

– Барин, это вы стучите? – шепотом спросила она.

– Да-да, Настя, это я, ты не волнуйся, – отвечал Лугин, пряча за спиной нож.

– Ступай к себе, видишь, я тут тоже укладываюсь.

Когда девушка ушла, Лугин хотел было спуститься на улицу, чтобы найти шутника, но дворецкий решительно остановил его.

– Нет, нет, нет, Виктор Юрьевич, вы ложитесь спать, а я все сам осмотрю и утром доложу, да и стихло все уже. Ложитесь. Я бы даже для успокоения глоток-другой вина рекомендовал. Не изволите-с?

– Давайте, – согласился Лугин. – И себе налейте.

– С удовольствием-с, – ответил дворецкий и наполнил бокалы.

Дождавшись, когда Лугин ляжет, Василий Николаевич помчался на половину прислуги. У дверей комнаты своей подруги он сбросил сапоги и на цыпочках вошел. Лизавета Никитична негромко похрапывала на своей постели, и это именно то, что нужно было дворецкому. Пройдя на цыпочках к ее заветному шкафику, он раскрыл дверцы и достал оттуда штоф с чесноковкой. Зубами он вытащил пробку и, приложившись к горлышку, сделал три большие глотка. Зажмурившись, он выпустил рванувшие было наружу пахучие испарения в манжет и им же утер губы, а заодно и пробившую его слезу. Пахло так, что Лизавета Никитична перестала похрапывать и несколько раз громко втянула носом воздух, словно и во сне не теряла своей природной бдительности. Дворецкий поторопился закрыть штоф и поставить его на место. Лизавета Никитична снова захрапела, и дворецкий, переведя дух, так же бесшумно ретировался в коридор.

Еще через минуту он отворил засов на входной двери и вышел. Залитая лунным светом улица была пуста. Преодолевая страх и оглядываясь по сторонам, дворецкий прошел к углу, чтобы посмотреть на боковую стену дома. В проходе между нею и соседней стеной было, как он и предполагал, с аршин зазору – вполне достаточно, чтобы какой-нибудь ловкий шалопай забрался на высоту второго этажа, где была комната Лугина. Но в зазоре между двумя домами царил такой густой мрак, что оставалось только гадать, что там могло происходить с четверть часу назад. Дворецкий повернулся, чтобы идти в дом, и совершенно неожиданно уперся в фигуру настолько высокую, что ему пришлось запрокинуть голову, чтобы рассмотреть ее лицо. Он увидел устремленные на него глаза, от которых спускалась к нему огромная черная борода.

– Это вы стучать изволили-с? – спросил дворецкий, пытаясь придать тону полагающуюся ситуации строгость.

– Ну, может и я, – ответил бородач и наклонился к дворецкому, словно хотел получше рассмотреть его.

– А как же это у вас получилось, позвольте поинтересоваться? Вы тут, а стучали там.

– Как? – удивился было бородач, но неожиданно удивление на его лице сменилось совершенно очевидной растерянностью. Он потянул носом пахучий эфир, окружавший его собеседника, и когда тот наполнил его легкие, великана сильно передернуло, потом он весь как-то сжался, зажмурился и, выкрикнув неожиданно тонким и отчасти даже задушенным голосом: «А вот так!», чихнул. Пространство вокруг Василия Николаевича содрогнулось, как если бы рядом разорва-

лась бомба. Раскаленная волна сбила его с ног. Сидя на тротуаре, он увидел, что воздух вокруг него задрожал, а бородач, как изображение на воде, стал распространяться во все стороны легкой волной, дробиться и, наконец, исчез совсем. Слегка оглушенный дворецкий потряс головой, осматрелся, но никого не было вокруг, только долетел до него звук чего-то тяжелого, покотившегося по тротуару, – «тук-тук-тук», и затих в отдалении.

На нетвердых ногах Василий Николаевич вернулся в дом, тщательно запер дверь и потряс ее за ручку для верности. После пережитого он решил принять еще немного успокоительного и, доставая штоф, разбудил сожительницу.

– Что это ты среди ночи пьешь, Вася? – она села на постели и ладонями потерла лицо, открывая заспанные глаза. – Или опять на шабаш летал?

– Я не пью, Лизавета, я от бесов предохраняюсь.

– И что, помогает?

– Ты даже не представляешь себе как. Сейчас я тебе все расскажу. Только дай секунду.

Дворецкий опрокинул в себя стопку, после чего поведал Лизавете Гавриловне о своих последних приключениях, завершив их так:

– И вот что я еще тебе доложу, дорогая моя. Мужик этот с бородой и есть тот самый дворник из Столярного переулка. Это я ему гривенник вручил, чтобы он мне сказал, кто в доме живет. Огромный и с бородой вот до сих пор. – Василий Николаевич показал рукой, до каких пор. – Он мне еще тогда не понравился.

– Ну, что ж, Вася, – заключила Лизавета Гавриловна. – Если они уже у нас под домом появились, жди их теперь в доме.

– Не бойся, мать, у нас теперь средство есть, – отвечал дворецкий. – Был бы у меня на том шабаше твой штоф, я бы им такое Бородино устроил, мне бы сам фельдмаршал Кутузов медаль вручил.

21. Альбина находит новую жертву

Проводив Веру Осиповну с Виктором Юрьевичем в гости, Настя села читать, но глаза скоро устали, и она, чтобы убить время, пошла в людскую. Здесь с полдюжины домовых людей собрались вокруг самовара. Чай, как это обычно случается, был лишь поводом посудачить о жизни за общим столом. Лампа освещала лица участников посиделок уютным золотистым светом, остальная же кухня была погружена в темноту. Последняя в полной мере содействовала рассказчику – истопнику Ванюшке, в растрепанной голове которого умещалось бесчисленное множество страшных быличек, слышанных им от его деревенской бабки.

– Вот вам святой и истинный крест, – так он обычно начинал свой очередной рассказ. – А вы уже хотите верить, а хотите – как хотите. Вчера, значит, собрался я часу в десятом в уборную. А там, слышу, Василий Николаевич кряхтит. Ну, думаю, это надолго, а сам говорю: «Василий Николаевич, пусти Христа ради, немогогу мне». А он: «Терпи, Ванька, ты молодой». Ну, думаю, все, до беды – рукой подать, была не была, сгоняю в барскую, хозяйка с гостем вроде бы в театру ушли.

– Хорошо тебя Гавриловна не слышит, – сказала прачка Дуня, сверстница Ванюшки, не пропускавшая случая поддеть парня. – Она б тебе дала барскую.

– Я ж тебе говорю, приперло, а так бы я ни-ни. Или я порядка не знаю? Влетаю, значит, я в ихний калидор, лечу, пола не касаясь, и тут мне навстречу фигура. Вся в черном. Мантилька до пола и на голове капюшон. Причем я-то со свечей, а она – нет! В темноте-то! И мантилька вся мокрая, как с улицы. Я ей: Настя, ты, что ли? А она только шмыг – как ветер мимо меня пронесся. Только каблуками – тра-та-та, и нет ее. Ну, я грешным делом и спрашиваю сам себя: а может, это наша графинюшка домой вернулась? Может, у них театра сгорела и представление отменили? А может, у нее с милым другом что-то не так пошло?

– Больно ты догадливый, – сказала Настя.

– Так я про то и говорю: не она это! Она когда мимо меня прошмыгнула, то я самым краем глаза увидел, что волос у нее из-под капюшона светлый выглядывает, а наша-то – воронье крыло! И ростом повыше. И походка у нашей степенная, а эта каблуками: тра-та-та, тра-та-та!

– А лица не увидал? – спросила Дуня.

– Лица не увидал. Но как пришел в себя, так и думаю: что же это за нечистая сила по дому шастает? Ну, ладно, сгорел забор, гори и хата, посмотрю по следам, куда это она проскакала, может тогда и выясню, кто это.

– Тебя ж приперло! – сказала Дуня. – А ты на охоту собрался. Точно брешешь!

– Вот тебе святой истинный крест, – Ванюшка снова перекрестился. – Так перепугался, что про все забыл. Свечу держу над головой, иду по следам. И доводят меня эти следы до дверей комнаты гостя нашего дорогого, так-то вот.

Ванюшка замолчал и многозначительно обвел взглядом собравшихся.

– Это что же получается, что гость графинюшки нашей своих подружек здесь принимает? – спросила Дуня.

– Погоди с подружками, – остановил ее Ванюшка. – Откуда бы им тут взяться, если гостя дома нет? Стало быть, злоумышленница какая-то. Ну, я подхожу к двери, стучу на всякий случай, никто не отвечает. Я тогда, была не была, отворяю дверь, а там...

Все замерли.

– Ну же! – вскрикнула Дуня.

– А там... – Ванюшка снова обвел всех взглядом, подготавливая эффектный финал, и заключил: – ...ничего. В смысле никого. Только занавес у окна качнулся, и все. Такие вот пирожки с капустой!

– Мели Емеля, твоя неделя, – сказала Дуняша разочаровано.

Судя по последовавшим событиям, Дуняша ошиблась. Ванюшка если и приукрашивал свои рассказы, то лишь самую малость, чтобы произвести лучшее впечатление на аудиторию.

Когда по прошествии нескольких дней Ванюшку привели с разодранной в кровь шеей к Лизавете, та прежде всего самолично проверила, не завелись ли в его каморке клопы, но не обнаружив оных, отправилась с помрачневшим лицом за чесноковкой. Каким же было ее удивление, а затем самое настоящее волнение, когда выяснилось, что штоф ее проверенного средства исчез. Дворецкий поклялся, что не прикасался к нему, после чего ей только оставалось обработать раны пострадавшего обычным самогоном – краугольным камнем Лизаветиной фармакопеи. Ванька громко стонал, но, кажется, был доволен тем, что привлек внимание сразу трех человек – поварихи, дворецкого и горничной, которые присутствовали при лечении, отчасти напоминаям экзекуцию.

После ужина, проследив за тем, как вымыта и прибрана посуда, Лизавета отправила челядь с кухни, попросив остаться за столом племянницу и сожителя. Налив им чаю, она села к столу и объявила:

– Значит так, дорогие мои, нечистая уже в доме.

– Как, тетя? – спросила испуганно Настя. – Откуда ей тут взяться?

– Откуда, говоришь? Тут у нас много чего произошло, Настя, только я все думала, что как-то оно мимо нас пролетит. Оттого тебе ничего и не говорили. А оно вон не пролетело.

Она повернулась к сожителю.

– Расскажи-ка, для начала, Василий Николаевич, на каком концерте ты побывал.

Василий Николаевич прочистил горло и начал:

– Что ж, я могу. Хотя, по совести сказать, я, бывает, сам себя спрашиваю – не померещилось ли после лишней рюмки?

– Померещилось, говоришь? – спросила Лизавета Гавриловна. – А пальто где тогда? Или в кабаке оставил?

– Окстись, мать, как бы я мог? Мне это пальто дороже собственной кожи было.

– Ну, тогда, значит, не померещилось. Он, Настя, на шабаше побывал. Одна местная чертяка на нем туда верхом летала. Там он с ней незнамо что делал, а главное – потерял пальто, после чего его в одном исподнем назад отправили.

Настя изумленно смотрела то на тетку, то на дворецкого, а тот, схватив в кулак свой чуб, так застал от жуткого воспоминания, что все ее сомнения в достоверности происшествия отпали.

– И это не все, – продолжила Лизавета. – Вчера, говорит, в стену стучали. Потом один черт с бородой ему таки явился, и тут же в воздухе прямо как был так и лопнул.

– Тетя, так и я тоже слышала, как стучали! Я еще Виктора Юрьевича спросила, кто стучит, а он мне: не волнуйся, Настя, все в порядке.

– Ну вот, я же вам и говорю – бесы эти теперь сюда заявились, – Лизавета Гавриловна перекрестилась, оглянулась, нет ли у нее кого за спиной, потом добавила многозначительно: – Кто-то им тут сильно приглянулся.

– Ясно кто, – вздохнул дворецкий. – Ведь я как на шабаш попал? Из того самого дома в Столярном переулке, где Виктор Юрьевич жил. Там эта bestия меня и оседлала!

– Какая bestия, дядя Вася? – спросила Настя шепотом.

– Да обыкновенная, – отвечал дворецкий. – И вполне даже из себя ничего: локоны, губки, глаза только больно веселые.

– Господи помилуй, – Настя перекрестилась. – А Ванюшка давеча рассказывал, что в доме какую-то женщину видел, не из домашних. Я думала, брешет...

Наступившее молчание было нарушено звоном разбитого стекла, потом послышался громкий топот и в кухню влетел тот самый Ванюшка в одной ночной рубашке, растрепанный и с выпученными от ужаса глазами. Шея и руки его снова были в крови.

– Спасайте, люди добрые! – выкрикнул он довольно слабым голосом, и с грохотом повалился на пол.

Парня усадили, прислонив спиной к стене, обтерли кровь. Он приоткрыл глаза, но взгляд их был мутен, как будто он не мог припомнить, кто он сам и где находится. Повязывая ему на шею чистую ветошку, Лизавета Гавриловна заметила:

– Вишь как, простой самогон ее не отпугивает.

– Да кого ж он отпугивает? – пожал плечами дворецкий. – Ты ему нюхнуть его дай, может, он скорей сообразать начнет.

Елизавета Гавриловна налила в чашку самогона, новый дежурный штоф еще не успел покинуть стола, и поднесла его к носу бедолаги. Тот зашморгал, отвернулся, но взгляд его стал осмысленней. Он взял слабыми руками чашку, глотнул, задохнулся, закашлялся, потом, обведя мутным взглядом окружающих его, едва слышно выдохнул:

– Тетя Лиза...

– Ну, чего?

– Тетя...

– Ну, же!

– Огурчика дайте.

Дали огурчик.

Когда румянец проступил на скулах парня, Лизавета Гавриловна снова потребовала объяснений. Заплетающимся языком Ванюшка поведал, что когда он улегся в постель, к нему, откуда ни возьмись, забралась некая девица. В темноте он было подумал, что это Дуняша, но вместо того, чтобы приласкать его, та вцепилась ему в горло.

– А что, девица-то белобрысенькая такая? – поинтересовался Василий Николаевич.

Истопник кивнул.

– Это она к тебе первый раз приходила? – строго спросила Лизавета Гавриловна.

Ванька закрыл глаза, причем неясно было, от бессилия или просто чтобы не видеть гневного взора кухарки, потом помотал головой и уронил ее, мол, теперь хоть убивайте.

– Да как же она к тебе проходила, что мы не слышали? – удивилась Настя.

– В окно, – прошептал Ванька.

– Как это в окно?! – не поняла Настя. – Как же она туда взобралась?

– Э-э, Настя, эта bestия куда хочешь заберется, – пришел на помощь истопнику Василий Николаевич. – Где не пройдет, там пролетит.

– Дурак похотливый, – подытожила Лизавета Гавриловна. – Она ему титьку показала, он и забыл все на свете.

Потом скомандовала:

– Так, надо пойти проверить, что они там накуролесили. Готовы?

– Секундочку, – сказал дворецкий и взял стоявший у печи ухват. Настя, последовав его примеру, вооружилась кочергой, но Лизавета Гавриловна их остановила:

– Погодите, тут другое снаряжение нужно.

Она принесла из кладовки полотняный мешок и, достав из него несколько вязок чеснока, одну протянула Василию Николаевичу.

– Надевай на шею, – скомандовала она. – Бесы боятся чеснока, креста и молитвы.

За дворецким такую же вязку надела на себя Настя, за ней Лизавета. Затем она сняла из красного угла икону Богородицы и встала во главе экспедиции, которая повидавшему мир наблюдателю, если бы таковой вдруг оказался на месте событий, могла бы напомнить крестный ход жителей африканской деревни.

– А с этим что делать? – кивнула Настя на сидящего у стены Ванюшку, который не в силах был присоединиться к их отряду.

– С этим? – Лизавета, не выпуская из одной руки образа, свободной взяла мешок с чесноком и, поставив его между ног пострадавшего, велела тому крепко держать его и не отпускать ни при каких обстоятельствах.

Тот кивнул и прижал к себе мешок, как малое дитя обнимает мать перед грозящей им разлукой.

Только они отворили дверь в каморку истопника, как сквозняк выбросил в окно темный занавес, и холодный воздух наполнил комнату. Лампадка под образом в углу не горела.

Лизавета Гавриловна закрыла окно, одну вязку чеснока повесила на ручку на оконной раме, другую – в изголовье кровати и велела всем возвращаться в кухню. В кухне, сев перед пострадавшим на табурет, она принялась воспитывать его:

– Чудовище! Как ты только мог развести свои мерзкие шашни в доме Веры Осиповны, этого святого существа!?

Чудовище в ответ заплакало и, размазывая слезы по лицу, сделало страшное признание:

– Тетя Лиза, я жениться хочу-у-у-у.

От такой искренности всем стало неловко, но ненадолго.

– Антихрист! – крикнула Лизавета Гавриловна. – Ты должен каждый день на коленях молить Господа Бога нашего Иисуса Христа, чтобы барыня тебе Дуньку в жены отдала, а ты немчуру в дом притащил! Ирод!

Тут Василий Николаевич счел своим долгом придержать подругу.

– Лизавета Гавриловна, окстись! Это не он ее привел, это она его нашла, чтобы к Виктору Юрьевичу подобраться.

Лизавета Гавриловна еще что-то хотела сказать, но Ванюшка снова лишился чувств, голова его бессильно упала на грудь, тело съехало набок, и он повалился на пол. Его снова попытались привести в себя самогоном и хлопаньем по щекам, но поскольку ничего не помогало, послали за Иваном Геласьевичем.

Кухарка встретила лекаря, и пока вела его к больному, сообщила о случившемся. Осмотрев пострадавшего, тот сокрушенно вздохнул и со значением посмотрел на кухарку.

– Микстура и остальные предписания те же самые, Лизавета Гавриловна. Но это не все. Мне потребуется дополнительная помощь, но на этот раз – не ваша.

22. Иван Геласьевич пишет докладную записку, которая приводит в действие невидимый доселе механизм

Вернувшись домой, Иван Геласьевич, не раздеваясь, сел к столу и написал короткую депешу, которая состояла из имени больного, его местонахождения (в доме графини Дерibas) и времени

визита. Все уместилось в три строчки, под которыми был поставлен некий странный знак, похожий отчасти на китайский иероглиф, хотя может быть и на японский, но кто теперь скажет?

Запечатав письмо сургучной печатью со своими инициалами, Иван Геласьевич вызвал слугу и велел немедленно доставить депешу по адресу, который тот, видимо, уже знал.

Письмо привело в действие невидимый доселе механизм, о существовании которого могли догадываться лишь самые проницательные из жителей столицы с дипломами заморских университетов.

Пользуясь пустотой ночных улиц, слуга понесся из Поварского до Колокольной, по ней свернул на Владимирский проспект, а где-то напротив темной громады храма Владимирской иконы шмыгнул в парадное и, перепрыгивая через ступеньку, взлетел на верхний этаж. На площадку выходила лишь одна дверь, в которую он и постучал явно условным (три коротких, три длинных и снова три коротких удара) стуком. Дверь тут же приотворилась, будто гонца ждали. В проеме показалась рука в кожаной перчатке, принявшая у посыльного письмо. Посыльный же, дав себе отдышаться, отправился домой.

Между тем за таинственной дверью послышался глухой разговор. Даже если бы кто-то и зашел подслушать его, то вряд ли различил что-либо вразумительное, разве что понял по интонации, что один его участник отдал распоряжение, а второй ответил: «Слушаюсь». Затем дверь снова отворилась, и из нее показалась фигура в длинном темном пальто и котелке. Фигура подвернула полу, с совершенно цирковой ловкостью уселась на перила и винтом слетела по ним к входной двери, бесшумно открыла ее, выглянула наружу, осмотрелась и, шагнув на улицу, растворилась во мраке. Проживавший при упомянутом выше храме кот Мафусайл был единственным, кто видел, как длинное пальто выпрыгнуло из дома напротив и тут же исчезло в черном провале Графского переулка. Там пальто юркнуло под арку подъезда второго от угла дома, пересекло двор, в конце которого постучало (опять же специальным стуком) в дверь одноэтажного флигелька. Окна его были закрыты ставнями, но за ними был виден свет.

Дверь отворилась, и пальто пропустили в помещение, посреди которого помещался внушительных размеров стол, занимаемый упитанным мужчиной с бритой головой и грозными усами. Вдоль стен выстроились стулья, на которых восседали, сунув руки в карманы и надвинув на глаза котелки, типажи с такими невыразительными физиономиями, что каждого из них можно было назвать копией соседа. Прибывший передал столоначальнику карточку с адресом и отступил в сторонку. Принявший же карточку внес адрес с нее в раскрытую перед ним книгу, после чего сжег бумажку на свече.

– Пятый, – произнес он негромко, и тут же один из сидевших у стены котелков поднялся и подошел к нему, а прибывший занял его место. Далее последовал интересный ритуал, во время которого начальник достал из стола и передал Пятому предмет, напоминавший своим видом изрядных размеров серебряный крест. Крест, однако, был особой формы пистолетом. Это обнаружилось, когда начальник самолично зарядил его и вручил Пятому. Тот принял оружие, поцеловал его, потом приложил ко лбу и сунул за пазуху. Не прошло и четверти часа, как он занял пост в глубокой тени здания напротив особняка графини Дерibas.

Дальнейшие события с участием Пятого, мы так и станем называть его впредь, развивались следующим образом. Не успел Пятый осмотреться, как к нему подошли двое – белокурая девочка лет двенадцати, которая держала за руку мальчишку лет пяти. Поразительным было не появление этой пары на улице в столь поздний час, а то, что у мальчонки была густая черная борода.

«Не карлик ли?» – мелькнула мысль у Пятого.

– Он сто, потелялся? – спросил малец у девочки, кивая на Пятого.

– Наве-рное, – девочка с деланным безразличием пожала плечами. – Чего бы ему тут делать, когда все нормальные люди спят давно?

– А вы что тут делаете в такой час? – негромко, но строго спросил мнимый потерявшийся у детей. – Вы что из цирка, что ли?

– Да, мы из цылка. Ходим по голоду и фокусы показываем.

– Какие такие фокусы?!

– А мы лазные знаем, – игрушечный бородач обернулся к девице и предложил:

– Давай ему пло лосадку покажем.

– Ну, дава-ай, – как бы нехотя согласилась та и достала из кармана настоящий хлыст. Она взмахнула им, раздался совершенно оглушительный хлопок, от которого пространство как бы раздвинулось во все стороны сразу, отчего дети вытянулись, поползли, повзрослели и превратились в дюжего мужика с бородой и девицу, принявшую вид настолько вызывающий, что все тело Пятого охватила неуместная для данных обстоятельств слабость.

– Седлать? – спросил бородач басом.

– Валяй! – кивнула девица.

Бородач взял Пятого за ворот его шинели и безо всяких усилий поставил на колени, при этом руки того сами уперлись в тротуар. Потом положил ему на спину непонятно откуда взявшееся седло и показал своей спутнице, чтобы та сядилась. Та села, снова взмахнула хлыстом, и от ожегшей его боли Пятый заржал и рванул вперед так, как не всякий беговой конь рвет с места на призовых скачках.

Бородач же похлопал ладонью о ладонь и с гордо поднятой головой пошел восвояси.

Под утро Пятого в одном исподнем нашли у дверей флигеля в доме на Графской, откуда его увезли в больницу. Он был совершенно изможден и обескровлен донельзя, но перед тем как упокоиться, невнятно рассказывал про какой-то потешный оркестр, который якобы посвятил ему лично несколько веселых песен, и еще про озорную девицу, с которой непременно хотел повидаться еще хоть разок. По понятным причинам встреча эта не состоялась.

23. Графиня получает два письма, одно из которых отправляет ее в дорогу. Лугин поручен заботам Лизаветы

В первых числах февраля графиня получила письмо от императрицы. Та хотела видеть свою бывшую фрейлину на торжествах в Петергофе по случаю прибытия в столицу новой дипломатической миссии из Парижа. Это был прекрасный предлог для встречи. Графиня нуждалась в доверительном разговоре с Марией Федоровной, всегда относившейся к ней с особой симпатией и участием.

Второе письмо было из Владикавказа.

«Милая Вера Осиповна, надеюсь, что мое письмо застанет вас в добром здравии. Причиной его служат не какие-то важные события моей жизни, таковых нет, но данное вам слово относительно подаренного мне сюжета. Повесть почти окончена, но, как уже было сказано, финал с загубленной душой слишком банален, чтобы согласиться на него. Незавершенная работа и заставила меня обратиться к вам с вопросом: чем кончилось приключение вашего друга? Вы говорили, что-де мы, литераторы, мастера сводить концы с концами. Открою вам секрет: жизнь куда изобретательней нашего брата.

С надеждой на скорую встречу и долгий разговор,

Ваш М.Л.»

Графиня тут же села писать ответ:

«*Cher ami* Мишель, действительно жизнь полна событий, превосходящих выдумку. Мой приитель сейчас находится в моем доме на Литейном. Перенесенное им, видимо, ужасно. Он был тяжело болен, но сейчас поправляется. После Пасхи я надеюсь увезти его в Новороссию, где он сможет окончательно вернуться к нормальной жизни. Он не рассказывает о случившемся с ним, и я предполагаю, что его реальная история, когда (и если) он решится рассказать ее, поможет вам закончить вашу. А пока наберитесь терпения и до встречи!

Ваша,

В.Д.»

Следующим утром графиня отбыла в Петергоф. Лугин был поручен заботам домашних. Он, казалось, оправился от потрясения, но на сердце у Веры было тяжело. Женская интуиция не обманывала ее. Заверяя, что у нее нет никаких поводов беспокоиться о нем, Виктор в действительности испытывал нарастающую тревогу.

В день отъезда графини Лугин, будучи не в состоянии сосредоточиться на работе, вышел на прогулку. Он покинул дом не один. Минуты не прошло, как за ним последовал Василий Николаевич. На нем была справленная после потери пальто чуйка на меху и картуз с лаковым козырьком.

Перед выходом на задание он получил от своей начальницы листок бумаги, настоящий штайновский карандаш, позаимствованный из мастерской Лугина, и инструкцию, как быстро документировать передвижения поднадзорного.

«Прошел по Садовой до Кокушкиного м.», – сделал дворецкий первую запись. Дальше следовало: «Остановился и стоял 3 мин. решая куда идти дальше. Прошел до Юсуп. сада. Ходил по аллеям полчаса. Сидел на скам. у Больш. пруда, охватив голову руками 1 час 10 мин. Перешел по мостику на ост-в, вернулся с ост-ва, прошел на Сад. По Сад. снова дошел до Кокушкиного м. Взошел на м. и стоял на нем 10 мин. Вернулся на Сад. и пошел к дому».

Василий Николаевич только не успел записать, что когда он остановился на углу Малой Мещанской и Столярного, чтобы рассмотреть вывеску заведения, предлагавшую посетителям самых свежих в Санкт-Петербурге финдеклеров с первого по пятый номер и крэвэ гри в сопровождении ледяного мюскаде, перед ним прямо из воздуха соткался очень смуглый и кудрявый юноша. Точным движением он отобрал у дворецкого его драгоценный карандаш, шумно понюхал его, потом с хрустом откусил острый конец, пожевал, закатил глаза как бы в восхищении от его вкусовых достоинств, а потом, очень быстро откусывая по кусочку и энергично двигая челюстями, сжевал весь. Потрясенный Василий Николаевич наблюдал за кудрявым, не в силах вымолвить и слова, не то что остановить его. Тут его вдруг как оглушило от осознания того, что это был тот самый кассир-арапчонок, который выдал ему билет для отправки домой с дьявольского шабаша.

– Э-э-э... – заблеял Василий Николаевич, толком еще даже не зная, что намерен сказать, как арапчонок, прижав палец к губам, зашипел:

– Тсс! Услышат же!

После чего с легким хлопком растаял в воздухе. Из ступора Василий Николаевича вывела острая боль – в руке догорела его докладная.

Дуя на обожженные пальцы, Василий Иванович спустился в трактир.

– *Monsieur veut des huitres?* – такими словами встретил его худой официант с выскобленной до пугающей белизны физиономией и явно подведенными сажей глазами.

– Водки мне, анафема! – отвечал злой как черт посетитель, отстраняя полового и направляясь к первому свободному столу.

Через час, в ответ на требование Лизаветы Гавриловны предъявить отчет о маршруте, Василий Николаевич только махнул рукой, и вызванное этим жестом движение воздуха немедленно донесло до чуткого носа кухарки запах спиртного.

– Опять? – спросила она.

– Опять, – подтвердил дворецкий, снимая картуз и утирая мокрый лоб. – Идем сядем, буду рассказывать. Только чесноку на меня надень и зелья твоего грамм сто налей.

– А то тебе еще не налили!

– То для успокоения чувств, – объяснил дворецкий. – А теперь для защиты.

– У тебя вон на шее чеснок для защиты.

– Гавриловна, не спорь, – отвечал дворецкий. – Враг серьезный. Защита должна быть круговая – как снаружи, так и изнутри.

С недовольным видом Лизавета выполнила требование своего друга, прибавив:

– Больше не дам, рассказывай.

Опустошив стопку, дворецкий стукнул ею о стол и сказал:

– В общем и целом, матушка моя, доклад мой будет коротким: как встал наш Виктор Юрьевич на Кокушкином мосту, как взял свою буйную голову в свои руки, так я и понял, куда его тянет.

– Ну, бисова дытына, – сокрушенно вздохнула Лизавета. – Как же она его заворожила-то.

Помолчали.

– Что ж с ней делать? – спросила наконец Лизавета Гавриловна.

– А пришибить стерву. Другого выхода не вижу.

– Как бы нас ее родня не пришибла.

– Ну, знаешь, Гавриловна, – заметил дворецкий. – А ля гер ком а ля гер. Мы ихних бьем, они – наших. Налей-ка мне еще одну.

Лизавета с недовольным видом выполнила просьбу. Подняв рюмку, дворецкий перекрестился и произнес:

– Наше дело правое, мать, победа будет за нами!

24. Графиня Дерибас открывает сердце императрице Александре Федоровне.

У входа в Большой дворец графиня, только выйдя из саней, оказалась в объятиях своей недавней начальницы.

– Юлечка Федоровна!

– Веронька, дорогая!

Юлия Федоровна Баранова, занимавшая пост статс-дамы и носившая соответствующее положение платье синего бархата с золотым шитьем по борту, провела гостью в ее старую квартиру во Фрейлинском коридоре. Сказав, что известит императрицу о ее прибытии, она исчезла.

В квартире все оставалось прежним: обои, приобретенные еще отцом мебель и картины. В спальне она отворила шкаф – красное бархатное платье с белой с золотым шитьем юбкой словно ожидало ее. Сердце дрогнуло, так захотелось надеть его, но к этой странице ее жизни, она чувствовала, возврата уже не было.

Высокая, худощавая императрица поднялась навстречу своей любимице, обняла и привлекла к себе.

– Как ты повзрослела за этот год, *mein herz*, настоящая дама! – начала она, с пристальным интересом рассматривая гостью. – Тебе замуж давно пора, а ты небось по-прежнему распугиваешь женихов своим язычком?

– Ах, ваше величество, ну кому нужны пугливые женихи? – отвечала графиня.

Императрица засмеялась, указала на ждавший их стол и пошла к нему первой. Сервированный на двоих, он явно был подготовлен для приватного разговора. Из окна, у которого они устроились, открывался вид на Каскады с сияющими на солнце золотыми скульптурами и Самсоном у их подножия. Лакей налил госте душистого чаю, серебряными щипцами достал из вазы миниатюрную ватрушку, увенчанную свежей малиной из дворцовой теплицы, положив на блюдце, подвинул ей.

– Отпустила я тебя, признаюсь, с тяжелым сердцем, – продолжала императрица. – И жалею об этом часто. Траур трауром, а все же дело отвлекает от горьких мыслей, разве не так? Скучаешь хоть за нами?

– Скучаю, Александра Федоровна.

– Ну, так и возвращайся! Я тебя за тем и вызвала. Ведь здесь столько твоих друзей! И каждый день одно и то же: где наша Вера Осиповна? Ты только вспомни свой салон в четвертом этаже, кого там не было – весь цвет нашей литературы!

– Александра Федоровна, я, конечно, скучаю по двору и тронута тем, что вы переживаете обо мне, но после Пасхи я собиралась ехать в Одессу. Хочу посмотреть на наше поместье, пожить в нем хоть немного.

– Одна?!

Графиня вспыхнула и, опустив голову, качнула ею отрицательно.

- Кто же этот счастливец?
 - Виктор Юрьевич Лугин, из пензенских дворян.
 - Чем же занимается твой Виктор Юрьевич? Служит?
 - Он недавно вернулся из Италии, ваше величество. Он провел там несколько лет. Учился живописи у известных мастеров.
 - И преуспел?
 - Весьма.
 - Да, но твоему одесскому имению хозяин нужен, а не живописец.
 - Там отцовы люди за всем смотрят, ваше величество. Он им вполне доверял.
 - Хорошо если так, только бы эти доверенные люди сами себя хозяевами не возомнили.
 - Если я буду рядом, не возомнят.
 - Ну и ну, Вера! – покачала головой императрица. – Не ожидала, никак не ожидала. Что ж, попробуй. Одесса это, конечно, не Санкт-Петербург, но и там люди живут... Да и ты на их фоне только ярче сиять будешь. Но так ли ты уверена в своем Лугине?
 - Хочу быть уверенной, ваше величество.
 - Сомневаешься, стало быть. Но с твоим-то умом иначе и быть не может.
- Императрица вздохнула.
- Ты не думай, *mein herz*, я тебя не останавливаю, только тревожусь о тебе. Но невольник не стану, несвободный человек – несчастливый человек. А надумаешь вернуться – встречу с радостью. Сегодня только побудь со мной, хорошо? Дай еще полюбоваться тобой, поговорить по душам, как мы, бывало, говорили. Да и ты простишься с теми, кто тебе здесь дорог – когда теперь увидитесь? Ночуй в своей квартире, а после завтрака поедешь.

25. Встреча у фонтана

На завтраке в честь нового французского посольства Нессельроде сказал небольшую речь, которую завершил хлопок открытого шампанского. Обилие последнего отразилось на праздничности атмосферы, и графиня Вера вдруг поймала себя на том, как ей привычно хорошо за этим столом, с людьми, многих из которых она знала лично. Но тут же всплыла и другая, омрачившая ее радостный подъем мысль – на Литейном ее ждал остро нуждавшийся в ней человек. Ей бы сейчас сидеть на краю его постели, держать его руку в своей, смотреть в его глаза. Сколько печальной усталости скопилось в них...

После десерта разгоряченные гости вышли на террасу перед дворцом, чтобы полюбоваться видом на залив, а графиня, воспользовавшись суетой и шумом, попросила лакея подать ей шубу и вышла в наружный двор. Она направилась к укрытому снегом Снопу, умолкнувшему на зиму с другими фонтанами Петергофа. Зола поскрипывала под каблуками, едва слышно долетали с другой стороны здания голоса гостей.

– Вера Осиповна! – вдруг окликнул ее молодой, звонкий голос. Она повернулась и увидела направлявшегося к ней Киселева.

– Вера Осиповна, наконец-то! – приблизившись, он поцеловал ей руку. – Французы меня просто замучили. Слава Богу, выпито столько, что теперь им уже не до меня. Как вы? Впрочем, что я спрашиваю, все только и говорят о ваших новых планах. Стало быть, покидаете нас?

Она кивнула в ответ.

– Я, конечно же, желаю вам счастья, Вера Осиповна, но если честно, то сердце мое разбито.

– Сколько лет мы с вами знакомы, Дмитрий Николаевич? Лет сто, наверное. – Она взяла его под руку. – И вот 99 лет все было прекрасно, а на сотом году ваше сердце вдруг берет и разбивается! Не верю!

– Ну и напрасно, что не верите, дорогая Вера Осиповна. Как сказал один ваш друг: «Черноокая южанка в самовластной красоте все сердца пленила эти, те, те, те, те, те». Так что мое сердце и есть одно из тех.

Графиня засмеялась.

– Боже мой, Кисенька, сколько мусора в вашей голове!

– Это не мусор, Вера Осиповна. Это – творческое наследие гения. Что до того, почему я эти 99 лет хранил гордое молчание, то все претензии к моему папеньке – сперва карьера, потом все остальное. Так я и жил последние годы: приехал из Рима, уехал в Вену, вернулся из Вены, уехал в Париж. И вот... опоздал.

– Кисенька, как говорят у меня на родине: от работы кони дохнут, – графиня засмеялась. – Передайте это своему папеньке. Но, между прочим, совсем недавно вы обещали мне надоедать из всех сил. И что же – одни обещания! Нет, мужчинам верить нельзя!

– Служба, все служба, будь она неладна! – отвечал Киселев, тяжело вздыхая и хлопая себя руками по бедрам. – Подняли среди ночи, пакет в зубы и в дорогу. Третьего дня только вернулся с французскими этими.

– Ну, что же поделаешь, такая у вас, значит, судьба. Но кто помешает нам дружить как и раньше, обсуждать творчество наших знакомых и немножечко злословить, не так ли?

– Не знаю, Вера Осиповна. Все же дружить можно, когда живешь с человеком рядом, а у нас что – я в Париж, вы вот – в Одессу. Из всех мест! Уму непостижимо!

– Да что же тут непостижимо?! И чем вам Одесса не нравится? Чудесный город! Светлый, радостный, живой!

– Даже не начинайте! Был я в вашей Одессе, ничего особенного! Не представляю, какому тамошнему наглецу пришла мысль сравнить ее с Парижем! Ах, Одесса это наш маленький Париж! Нет, не маленький, а масюпусенький!

Молодой человек так смешно вытянул губы, произнося «масюпусенький», что Вера расхохоталась, и он следом за ней. И снова она поймала себя на том, как вдруг испытала миг совершенно безоблачного счастья. Но миг прошел, уступив место ее привычной заботе.

– Что занятно, что все эти патриоты Одессы в конечном итоге перебираются из своего маленького Парижа в большой, или на самый худой конец в Москву, – продолжал между тем Киселев. – И знаете, кто положил начало этой традиции? Ваш знаменитый родственник – Арман-Эммануэль дю Плесси Ришелье! Действительно, ну что делать герцогу в Одессе? При их сомнении им нужен король! Попомните мои слова, Вера Осиповна, чем скорее вы уедете в свою Одессу, тем скорее мы с вами встретимся в Париже!

– Уверена, что вас это не огорчит!

– Ничутьточки!

Графиня остановилась и повернулась к собеседнику.

– Кися, вы – чудесный! Я люблю вас, честно, просто немножко не так, как вы хотели бы, но разве этого мало? А сейчас мне надо ехать, меня ждут.

Киселев наклонился к ее руке в тугой черной перчатке, но она взяла его за плечи и, привстав на носки, поцеловала в щеку.

– *Au revoir, mon ami!*

26. Лугин слышит знакомый голос

Прогулка утомила Лугина, но не избавила от тревоги, которая к ночи усугубилась. Он хорошо понимал, что именно служит ее причиной, хотя всеми силами избегал называть опасность ее именем.

Ужин – холодную телятину с белым хлебом и вином – Настя принесла Лугину в его комнату. Тот попросил ее остаться и предложил налить вина себе. Девушка принесла еще один бокал, наполнила его и устроилась в кресле напротив Лугина. Она видела, что тот тоскует и не хочет оставаться один. Пригубивая вино, она отвечала на его вопросы о жизни в Новороссии, а потом сама стала спрашивать об Италии, потом о Никите, приезда которого они ждали со дня на день.

– Уж не присматриваешь ли ты себе жениха, Настя? – улыбнулся ей Лугин.

– А что толку присматривать? – пожала плечами девушка. – В деревне-то легче себе пару найти, там и родители помогут, а тут как барыня скажет.

– Ну, Вера Осиповна тебя за плохого не отдаст.

– Это-то верно, но выбор ее будет, а не мой.

Лугин помрачнел. Разве сам он, свободный человек, волен был делать свой выбор? Память об Альбине как тяжелое покрывало навалилось на грудь, ему показалось, что он сейчас задохнется. Он отодвинул тарелку и поднялся.

– Иди, Настя, пора спать, – сказал он. – Спасибо, что побыла со мной. Покойной ночи.

Лугин приотворил окно, впустив в комнату холодного ночного воздуха, и лег. Но нервное напряжение, вызванное ожиданием неизбежной, теперь он был уверен в этом, встречи, не давало заснуть. Он раскрыл оставленный ему графиней томик Лермонтова, но смысл написанного ускользал от него. Он закрыл книгу, погасил свечу и продолжал лежать без сна, пока ему вдруг не почудилось, что он слышит тот самый едва различимый шопот, с которого началось его безумие. Лугин открыл глаза, приподнялся и стал напряженно вслушиваться. Голос стал слабее, но продолжал свою жалобную, поспешную, по-прежнему невнятную речь.

– Альбина, ты? – тоже шепотом спросил Лугин.

Весь обратился в слух, он прождал с минуту, потом уронил голову на подушку.

«Галлюцинация, – подумал он. – Ну, а если... если она точно здесь? Если бы я ее увидел – испугался бы я? Или обрадовался? Ведь я хочу ее, хочу ее ласки, хочу прижать к себе».

Лугин даже застонал от бессилия перед ее чарами. Он сел на постели, снова зажег свечу и быстрым взором обжегал всю комнату. Ничего необыкновенного в ней он не увидел, и его сердце, сжавшееся от ужасного предчувствия, снова застучало. Он погасил свечу и лег.

Прошло несколько минут, и теперь ему показалось, что кто-то стоит посреди его комнаты. Он даже услышал – или нет? – легкий вздох, словно кто-то пожалел о его неспособности узнать присутствующего, увидеть его. Точнее – ее.

Он стал пристально всматриваться во тьму, но что же можно было увидеть в ней? Вдруг ему почудилось, что какой-то мягкий, бесшумный вихрь пронесся через всю комнату и легкий серебристый смех, ее неповторимый смех, прозвучал в его ушах.

Прошло несколько мгновений, прежде чем он дрожащими руками снова зажег свечку. В комнате опять никого не было, и он уже не слышал ничего, кроме громких и тяжелых ударов своего разошедшегося сердца. Он встал с постели, налил полный бокал портвейна и выпил его весь, не отрывая губ от стекла.

Поставив бокал, он подумал с абсолютной ясностью: «Все, не могу больше. Пускай берет».

Но никто не ответил ему. Лугин походил еще по комнате, постоял у окна, вдыхая ледяной воздух. Улица под ним была темна и пустынна. Свеча нагорела, и в комнате стало опять темно, глаза его стали слипаться.

Он лег, торопясь удержать мгновение сонливости и уснуть, но теперь белое пятно двери приковало его взор. Он уставился на него, и вот это пятно шевельнулось, двинулось, исчезло... и на его месте показалась женская фигура. Лугин стал всматриваться... Альбина! Она прямо и строго смотрела на него. Потом шагнула к нему, сделала еще шаг, наклонилась так, что он услышал ее дыхание, ощутил, как ее волосы опустились на его лицо, и прикосновение ее губ. Они были ледяными. Ужас окатил его, он закричал... и проснулся.

Комната была залита утренним светом, за окном слышался проснувшийся город. Он был мокр от пота.

Дверь открылась, и в проеме появилось испуганное лицо Насти.

– Виктор Юрьевич, что с вами? Это вы так закричали?

Лугин не нашел сил, чтобы ответить девушке. Только поднял руку и слабо махнул, отпуская ее. Та затворила дверь.

27. Лизавета открывает графине тайну недуга Лугина

В одиннадцатом часу утра Настя сообщила Лизавете Гавриловне, что больной необычно долго не выходит из своей комнаты, и тогда кухарка направила к Лугину дворецкого. Тот обнаружил гостя беспробудно спящим. Выслушав отчет дворецкого, Лизавета Гавриловна уже сама на цыпочках вошла в гостевую. Она тихонько покашляла в кулак, потом погромче, никакого результата. Она даже коснулась лежавшей на одеяле руки Лугина, потрясла его за плечо, но и это не подействовало. Она послала за доктором.

Приход Ивана Геласевича совпал с возвращением домой из Петергофа графини Веры. Их сани подъехали к особняку одновременно. В одной руке у лекаря был его обычный саквояж, в другой футляр наподобие инженерного, лицо его выражало крайнюю озабоченность. Графиня тут же узнала о причине визита медика, и они, поднявшись во второй этаж, вместе вошли в комнату Лугина. Он был мертвенно бледен, и дыхание его было так малозаметно, что его можно было принять за почившего. На графине лица не стало.

Пока лекарь осматривал больного, появившаяся в комнате кухарка поманила графиню за собой и привела в библиотеку.

– Матушка-благодетельница, мы тут все грешны перед вами и скрывали от вас всю правду о том, в какой катавасии оказались.

– Не пойму, о чем ты, Гавриловна? – удивилась графиня. – Сядь в кресло и успокойся.

Но Лизавета повалилась на колени и, обхватив графиню за ноги, залилась слезами.

– Прости, прости нас, но страшились даже заикаться о случившемся.

– Да что стряслось, говори же! Это касается Виктора Юрьевича?

– С него все и началось, барыня, а теперь и всех нас касается.

– Не тяни, Лизавета, говори все как на духу. И отпусти ты меня, я тоже сесть хочу.

– Когда вы, барыня, Василия Николаевича проследить за Виктором Юрьевичем послали, его бесы украли.

– Что ты такое говоришь, Лизавета? Какие бесы?

– Самые что ни на есть обыкновенные, матушка-благодетельница, но самое страшное не это, а то, что одна из их роду, штоссова дочка, у нашего Виктора Юрьевича кровь стала пить. От того он и сделался таким немощным. Она его приворожила к себе, он и мается. И вот теперь она здесь.

– Где здесь?

– В дом наш приходит, на Ванюшку-истопника напала, его кровь пила, но ей Ванюшка не нужен, она к Виктору Юрьевичу подбирается.

– Лизавета, это просто в голове не укладывается.

– Барыня, мы оттого вам и не говорили, что оно в голове не укладывается, но вы нашего Ивана Геласевича спросите, он вам все подтвердит.

– Зови его.

Но ни звать, ни ждать его не пришлось. Дверь отворилась, и он вошел в комнату.

28. Медик дает научное обоснование происходящему и инструктирует своих слушателей.

Поклонившись графине доктор Авраамцев начал:

– Вера Осиповна, все, что вы слышали сейчас, при всей своей кажущейся невероятности чистая правда, и я заверяю вас в этом как человек науки. Над Виктором Юрьевичем нависла смертельная опасность.

Графиня смотрела на медика широко раскрытыми от изумления глазами. Наконец спросила:

– Но почему вдруг он?

– Он – не случайная жертва. Его мучительница видимо... влюблена в него и так просто не отдаст. Поэтому вы должны дать себе ответ на очень важный вопрос: готовы ли вы вступить в схватку за него?

– В схватку? Но как?

– Способы есть, – отвечал лекарь. – Но тут важна ваша готовность – на карте жизнь человека вам дорогого.

– Говорите, Иван Геласьевич, как мы можем защитить Виктора Юрьевича?

– Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь? – ответил лекарь со вздохом. Потом обвел всех изучающим взором, словно прикидывая, осознают ли они степень свалившейся на них ответственности, и начал:

– Как вы, может быть, знаете, друзья мои, я получил образование в Дублине. Помимо обычного курса медицины я прошел еще один, о котором не распространяюсь, но... к которому время от времени мне доводится обращаться. В одно из ночных дежурств в городском морге я познакомился со старым его служителем, который и стал моим наставником. Это произошло, когда в морг был доставлен совершенно обескровленный молодой человек. Студент. Красивый мальчик, лицо которого даже в смерти было прекрасно. Смотритель, молчаливый и вечно угрюмый старик-ирландец, сразу же разрезал ворот сорочки покойника, тщательно обтер мокрой салфеткой его шею и, взяв лупу, стал изучать ее. Видя, какой интерес я проявляю к его действиям, он показал мне на шее трупа несколько небольших ран. Это были проколы, будто кожу сжали, а потом пробили чем-то острым. Я сказал старику, что не могу даже представить каким инструментом они были нанесены, на что он ответил, что инструментом были зубы. «Собака?» – спросил я. Он покачал головой и произнес слово, которое я тогда услышал впервые: «Носферату». И наш пациент, – он кивнул на Лугина, – и ваш истопник стали жертвами носферату, или как их еще называют – *немертвых*. Эти существа были хорошо описаны древними народами, первыми столкнувшимися с их властью. Носферату бессмертны и свое бессмертие подпитывают человеческой кровью.

– А по-нашему, Иван Геласьевич, это – упырь, – встала Лизавета Гавриловна.

– Верно, это он и есть, – согласился лекарь. – Упырь, он же вампир. Но, как и обычные люди, вампиры не лишены чувств и эмоций. Бывает, что носферату влюбляется в свою жертву совершенно роковой любовью. Возможно, мы имеем дело именно с таким случаем, и это объясняет то, что Виктор Юрьевич еще не мертв сам. Дочь Штосса или кто бы она ни была, оставляет своему возлюбленному ровно столько крови, чтобы он мог жить. Но силы его не бесконечны, и мы должны действовать.

– Как же, Иван Геласьевич? Научите нас.

– Дорогая Вера Осиповна, мой ответ может ужаснуть вас. Хватит ли у вас мужества выслушать всю правду?

– Да, – твердо ответила она.

– Дочь Штосса можно остановить только одним способом. Уверен, Лизавета Гавриловна слышала о нем у себя на родине.

– Осиновый кол, – со знанием дела сказала кухарка, – других средств не ведаем.

– Именно он, Елизавета Гавриловна. Современная наука еще не установила, почему именно осина смертельно опасна для немертвых, но установила, что опасна. Это знают и в далекой Ирландии и в наших краях. Апокриф сообщает, что Богородица укрылась в листе осины от тех, кто искал Дитя, чтобы выполнить страшный приказ Ирода. С тех пор это растение считается лучшей защитой от всякой нечисти. Так это или нет – пускай выясняют другие, а наше дело – точно следовать инструкции. Но осинового кола мало, мне нужен помощник, с которым я завершу эту операцию.

– Есть такой помощник, – твердо заявил дворецкий.

– Дорогой Василий Николаевич, когда я вгонию кол в грудь фройляйн Штосс, вы должны будете отрубить ей голову. Сможете?

– Голову?! – поразился дворецкий, чья готовность помогать медику имела все же свои пределы.

– Голову сможет, – деловито ответила за сожителя кухарка.

– Гавриловна, что ты такое говоришь? Да я никогда... человеку...

– Она тебе не человек, – отрезала кухарка. – Она – упыр! Сделаешь как велено, и точка!

Иван Геласьевич попросил подать ему его футляр и, отвинтив крышку, достал оттуда узкий деревянный брус фуют двух в длину с заостренным концом.

– Вот он – мой инструмент. Она сейчас спит в своем гробу и будет спать до захода солнца. Как следует из рассказа Василия Николаевича, ее логово находится в подвале дома в Столярном переулоч. Там мы ее и прикончим.

– А с дворником как быть? – спросил дворецкий. – Он там дежурит денно и ношно. Может не пропустить.

– Дворника я возьму на себя, – решительно сказала Лизавета Гавриловна.

– Помилуйте, матушка, как же это вы его возьмете на себя?

– А очень просто – вы же меня сами и научили. Приму рюмку чесноковки и устрою скандал. Нехай лопнет еще раз.

– Рюмки мало, – со знанием дела заявил дворецкий. – Три минимум.

– Хм, – сказал Иван Геласьевич. – Это неплохой план, но вы должны знать, что в охоте на носферату у нас есть союзники и, поверьте мне, опытные. Им только надо дать знать о предстоящем деле. И вот поэтому, дорогая Настя, у меня к вам будет поручение. Прямо сейчас отнесите мою записку в один дом на Владимирском. Вручив письмо, вы немедленно вернетесь сюда, чтобы быть возле Веры Осиповны. Вы меня поняли?

– Поняла, Иван Геласьевич.

– Тогда – за дело.

Лекарь написал записку, и Настя понеслась с ней по указанному адресу. Василий Николаевич тем временем принес из сарая средних размеров топор, который был одобрен лекарем.

– А теперь прошу вас оставить меня наедине с Верой Осиповной.

Когда они остались вдвоем возле спящего, лекарь достал из саквояжа небольшой предмет, обернутый в черную бархатную тряпицу, и развернул ее. Это был миниатюрный пистолет с восьмиугольным бронзовым стволом.

– Настоящий американский деррингер, – сказал медик и со значением посмотрел на графиню. – Сможете ли вы воспользоваться им в случае необходимости?

– Я стреляла раньше, – отвечала графиня. – Покойный батюшка учил меня в имении.

– Прекрасно! О лучшем и мечтать нельзя.

После этих слов лекарь достал из саквояжа заготовленный бумажный патрон с порохом и загнал его шомполом в ствол. Затем он отодвинул украшение на торце рукоятки пистолета и из открывшегося отверстия выкатил на ладонь пулю. Взяв двумя пальцами светлого металла шарик, он объявил:

– Чистое серебро. Благословлена самим... – и он назвал имя, видимо знакомое графине, ибо та понимающе кивнула.

Загнав на место и пулю, Иван Геласьевич взвел курок и из миниатюрной пороховницы отсыпал немного пороху на планку.

– Дорогая Вера Осиповна, прошу все время держать это оружие при себе. Вещица миниатюрная и, думаю, вас не обременит. Ну, а буде надобность, бейте бестию прямо в сердце. Но уверен, что мы эту надобность упреедим.

– Иван Геласьевич.

– Да?

– Ответьте откровенно.

– Слушаю вас.

– Вы сказали, что эта... упыр любит Виктора Юрьевича. А Виктор Юрьевич... отвечает ей взаимностью? И если это так, то насколько уместно мое вмешательство?

– Пусть погибнет? – спросил лекарь пристально глядя на графиню. – Ведь это единственное, что вы тогда оставляете ему – смерть и муки ада.

– Что может быть слаще смерти в объятиях любимой?

– Вера Осиповна, это не любовь, поверьте мне. Это – наваждение, он не в себе, его кровь и его сознание отравлены. Наш христианский долг – спасти его.

– Любовь и должна быть как наваждение, разве не так?

Лекарь задумался на несколько секунд и ответил:

– Вероятно, ваше сиятельство, вероятно. И ваш вопрос, простите мне мою смелость, предполагает, что вам это чувство знакомо. В таком случае, Вера Осиповна, тут только остается выяснить, чье наваждение сильнее. Понятно, что вы не можете сравнивать свои чувства с чьими-то, но вы наверняка знаете, насколько сильны ваши. Кроме вас ответа никто не знает.

– Благодарю вас, Иван Геласьевич, – сказала графиня. – Делайте все что полагается, а я выполняю свою роль.

– Мужайтесь, ваше сиятельство, и поверьте – Виктор Юрьевич будет вам благодарен.

29. Дьявольская карусель в Столярном переулке

Когда переехали Кокушкин, мост Иван Геласьевич выбрался из дрожек первым, за ним сошел Василий Николаевич, который помог выбраться Лизавете Гавриловне. По плану, еще раз четко проговоренному по дороге, она должна была войти в переулок первой, что она и сделала, предвзвешенно перекрестив возлюбленного и дав ему перекрестить себя.

– Лизавета, – сказал ей дворецкий, и глаза его от волнения увлажнились, а голос дрогнул. – Без вас, матушка, я ништо, так что берегите себя пуще жизни!

– И ты, старый, береги себя.

Углубившись в переулок, Лизавета Гавриловна обнаружила, что в конце его имеет место совершенно отчаянная потасовка, в которой принимало участие не менее дюжины драчунов. При этом ворота во двор дома №13 были настежь распахнуты, и живой клубок то вкатывался в них, то вновь выкатывался наружу. Неистово молотящие бородатого мужика с обрывками дворничьего фартука на шее очень походили на тех невзрачных нищих, которые просят милостыню на паперти и которых невозможно отличить друг от друга ни при каких обстоятельствах. В этой же битве участвовало не менее двух городских, которые отчаянно пытались развести дерущихся, но лишь усугубляли положение.

Ах, добрая Лизавета Гавриловна! Если бы волею судьбы это ты, а не дочь титулярного советника Штосса, стала бессмертным упырем, то через каких-то лет сто пятьдесят, сидя с очередной жертвой в каком-нибудь бродвейском синема, ты бы с изумлением обнаружила, что разворачивающийся на экране сюжет «Тихой улицы» с уморительным усатым типчиком в цилиндре поразительно напоминает сцену, которую ты теперь наблюдала в Столярном переулке. Честно тебе говорю!

Иногда великану, отбросив вцепившихся в него как собак нищих, удавалось ретироваться во двор, но те не отставали. Иногда он даже забегал в дом и захлопывал за собой дверь, но осаждавшая его орава лезла в окна, и он снова выбегал наружу, чтобы тут же попасть в руки преследователей. Один раз ему даже удалось всех их запереть в доме, но стоило ему только прислониться к стене, чтобы отереть пот и перевести дух, как неугомонные паразиты сбросили ему из окна на голову чугунную печку. Дворник, шатаясь, отошел на середину двора, но устоял. Нападавшие же снова вырвались наружу и понеслись смерчем из дому во двор, оттуда на улицу, оттуда во двор и снова в дом. Это была та самая подмога, о которой говорил Иван Геласьевич, но Лизавета лишилась всякой способности ясно соображать и от одолевшего ее страха заголосила на языке родной Новороссии:

– Рятуйте люди добренькие, ой, рятуйте меня скоррише!

Краем глаза она, однако, успела заметить, как бурный людской поток внес в дом ее благоверного и медика с его саквояжем.

30. Медик и дворецкий проникают в дом Штосса

Василий Николаевич помнил, что попав в прошлый раз в дом, он оказался в предбаннике, из которого лестница привела его в подвал с гробом, где лежала немертвая красотка. Но на этот раз они оказались в слабо освещенном коридоре, обитом зелеными обоями в полоску. Поскольку идти больше было некуда, Иван Геласьевич махнул Василию Николаевичу, чтобы тот следовал за ним. Оглядываясь – не следует ли за ними кто-то – они углубились в коридор в надежде найти в нем вход в подвал.

Они дошли до первого поворота, за которым обнаружили, что коридор под острым углом раздвоился. Спутники выбрали левый рукав, но перед тем как шагнуть в него, лекарь посмотрел на номер на двери и сказал:

– Номер шесть, прошу запомнить.

Поплутав по ломаным переходам, они снова вышли к тому месту, где коридор раздвоился.

– Василий Николаевич, сделайте одолжение, посмотрите, какой номер на двери напротив.

– Шесть, – доложил тот.

– Две шестерки одна напротив другой, вместе 66. Вы понимаете? – многозначительно спросил лекарь.

В ответ Василий Николаевич тоже многозначительно поднял брови, что, впрочем, не означало, что он что-либо понял.

– Может, постучать? – спросил он.

– Другого выхода не вижу, – ответил лекарь и постучал в дверь, у которой стоял. В ту же секунду она распахнулась, и в коридор вихрем ворвалась вся та же компания драчунов во главе с яростно отбивавшимся от них дворником. Когда они скрылись за углом, из двери вышел последний нищий и, поправляя изодранный армяк, обратился к лекарю тоном, в котором не обнаружилось ни заискивания, ни грубости, какие можно было ожидать от человека его социального статуса:

– В конце комнаты шкаф, ваше превосходительство, торопитесь.

И побежал за остальными.

– Скорее, – бросил лекарь спутнику и решительно направился к шкафу.

Отворив дверь, он увидел лестницу. Только ступив на нее, Василий Николаевич шепнул идущему впереди спутнику:

– Это оно самое место и есть.

– Тсс! – отвечал тот.

Открытый гроб, как и раньше, стоял на двух скамьях, свеча горела в его изголовье, освещая лежащую в нем женщину с покрытым черной вуалью лицом.

Достали орудия страшного ритуала. Василий Иванович, попробовав, с какой стороны ему лучше будет действовать топором, в конечном итоге последовал указанию лекаря и занял место напротив него.

– Успеваем? – шепотом спросил он, но лекарь снова показал ему, чтобы он молчал. Сам же, положив на угол гроба извлеченные из саквояжа кол и молоток, развернул бумажку, водрузил на нос пенсе и стал с чувством читать:

«О преподобне и богоносне отче наш Илие, града Мурома и всея земли Русския украшение, храбрый во бранех, врагов прогонителю и обидимых заступниче! Молим тя, умоли Милосерднаго Бога, да милостив но услышит нас и дарует победу на сопотничныя; и паки, припадающе, молим тя: укрепи данную тебе благодатию во бранех воинство православное, разруши силы возстающих на ны врагов, да постыдятся и посрамятся, и дерзость их да сокрушится, и да уведят и уразумеют, яко Господь есть Защитник наш, по нам поборствуяй. О скорый наш помощниче и заступниче, укрепи молитвами твоими немощную волю нашу, во еже обрести нам мужество духовное и сокрушение о гресех наших. Ей, отче святыи, не забуди нас, молящихся тебе о помощи, и сподоби нас, грешных, получитьи от Бога неизреченная благая, яже уготова любящим Его, яко да с тобою и со всеми святыми прославим Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

– Аминь, – негромко повторил дворецкий, уже не чаявший дослушать молитву до конца, главным образом потому, что мертвая при словах молитвы начала стонать и шевелиться, словно ей вдруг стало тесно в ее одежде. Он занес топор, а лекарь, приставил острие заготовленного колка к груди мертвой. В тот же миг фройляйн открыла глаза. Страшен был их взгляд, и под ним рука лекаря ослабла. Он замешкался не более чем на секунду, но в это самое мгновение черное платье покойной вдруг съезжилось, пошло трещинами, зашевелилось и рванулось вон визжащей стаей летучих мышей. Лекарь невольно отшатнулся, а удар топора, нанесенный стойким дворецким разнес дно опустевшего гроба. Черный же рой вихрем вынесся из подземелья наружу, и Ивану Геласьевичу осталось лишь воскликнуть в сердцах:

– Эх, опоздали! Опоздали! Ну, теперь, брат, бегом домой! Туда бы успеть!

Они задыхаясь поднялись по лестнице, выбрались из шкафа и, выйдя из комнаты, оказались в знакомом коридоре. Иван Геласьевич даже застонал от досады.

31. Возвращение мертвой

Выполнив поручение доктора Авраамцева, Настя вернулась домой. Графиня была в комнате Лугина. Она сидела у окна, на коленях ее лежало Священное писание, но страшная тревога не давала ей читать. Иногда она подходила к Лугину и смачивала салфеткой его губы. Они были сухи, как во время жара, но лоб холоден. Когда появилась Настя, она усадила ее в кресло рядом, передала ей книгу и просила читать вслух пророка Иова. Но все ее внимание было сосредоточено не на истории ветхозаветного страдальца, а на том, как на глазах темнеет небо.

– Барыня, зажечь свечи?

– Да, Настя, зажги.

– Что-то наши задерживаются.

– Да, Настя, боюсь, придется нам с тобой вдвоем справляться.

– Огради мя, Господи силою Честнаго и Животворящаго Твоего Креста, и сохрани мя от всякого зла, – произнесла девушка, наложив на себя быстрый крест.

На улице стало совсем темно, засветились окна в домах напротив. Графиня поднялась, чтобы выглянуть на улицу, когда в стекло что-то ударилось, и от неожиданности она отшатнулась. Снова ударилось черным комом и упало на карниз – это была летучая мышь. Она падала, взлетала и снова падала. Затем черное существо отлетело, затрепетало в воздухе и ринулось в окно соседней комнаты, где располагалась библиотека покойного графа. Девушки услышали звон разбитого стекла.

Обе, не сговариваясь, ринулись в библиотеку. Распахнув двери, они ощутили, как холодный вечерний воздух пронесся мимо, и оглушительно хлопнула оставленная открытой дверь.

– Неужели это мышь разбила? – сказала Настя, отодвигая ногой осколки стекла.

– Мышь ли это, Настя? – спросила графиня Вера. – У нас тут отродясь летучих мышей не было. Пойдем назад скорее.

Графиня потянула за ручку, но дверь была заперта. Она повернулась к Насте. Та с испугом смотрела на нее.

Лугин спал, не ведая ни о течении времени, ни о том, в какие напряженные события оказались вовлеченными любящие его люди. Когда часы пробили полночь, ему стал видится необычный, угрожающий сон.

Вот он входит в богатый дом, где его ждет долгожданная встреча. Ступив в гостиную он понимает, что бывал здесь и раньше, но теперь тут все богато прибрано, на стенах новые обои, на окнах богатые гардины, повсюду дорогая мебель. «Ах, неужели это тот дом в Столярном переулке, где я жил?» – думает он и идет дальше. Он добирается до своей бывшей спальни, где видит знакомый портрет, но вычищенный и с новой богатой рамой. Старик на нем приветливо улыбается ему и кивает, мол, рад вашему возвращению, а руки его уже привычно тасуют карты, словно готовясь сдать их старому товарищу по любимой ими игре. Нет-нет, не сейчас, позже.

Лугин выходит из квартиры и оказывается во дворе, где стоит роскошная карета. Карета черная, а украшения сплошь золотые. На козлах сидит бородатый дворник, но не в своем обычном армяке с фартуком, а в роскошной ливрее и новом, какие носят английские кучера, цилиндре с красным перышком сбоку. Он улыбается ему и кивает, мол, присаживайтесь, вас ждут. Тут же к двери кареты подходит непонятно откуда взявшийся кудрявый арапчонок, чтобы открыть ему дверцу. За занавеской, ему кажется, кто-то сидит, и сердце его сладко замирает от предчувствия встречи, но он еще хочет взглянуть на прекрасных вороных коней. Ах, какие кони, и как ухожены! Он хочет коснуться их и даже поднимает руку, но в этот момент пристяжной поворачивается и пристально смотрит на него, словно хочет что-то сказать. Ужас отражен в его глазах. И вдруг голова пристяжного начинает преобразоваться, преобразоваться и внезапно становится головой дворецкого, который то ли ржет, то ли кричит ему страшным голосом: «Беги, родной! Беги!» Но раздается оглушительный хлопок хлыста, и Лугин слышит тяжелый смех возницы и его голос: «А-а, ты думал, тут тебя веселая прогулка ждет? Не-ет, барин, тут трагедия разворачивается! Трагедия!»

Лугин проснулся, как вынырнул из черного омота. Горела свеча.

– Альбина, ты здесь? – позвал он.

– Да, моя любовь, – прозвучало негромко из темноты.

– Почему же я не вижу тебя? – он встал с постели.

Несколько мгновений простоял он на одном месте. Взор его блуждал. «Где же? Где?» – шептал он. Ощущение присутствия Альбины было в нем сильнее, чем когда-либо.

– Альбина, – снова позвал он. – Что же ты все терзаешь меня? Жизни без тебя мне больше нет, приди ко мне.

Лугин еще не успел произнести последнее слово, как вдруг почувствовал, что кто-то быстро подошел к нему сзади и коснулся плеча. Он обернулся, тень скользнула вправо от него, еще обернулся, и снова тень опередила его. Голова его пошла кругом, он остановился и в кресле у постели вдруг разглядел женщину. Она сидела, устроив руки на подлокотниках, и смотрела на него. Глаза ее сияли. Радость и робость, страх возможной потери и готовность торжествовать победу – все слилось в их свете, и в этом было то сиюминутное совершенство жизни, которое он так и не смог воплотить на холсте. От внезапного осознания того, что искусство не в состоянии превзойти жизнь и, стало быть, старания его были изначально тщетны, он засмеялся. Волна облегчения окатила его. Годы трудов и поисков не стоили ждущего его счастья. Альбина медленно поднялась из кресла, и он ринулся ей навстречу, обхватил ее стан, изо всей силы прижал к себе и стал целовать ее смеющиеся губы.

32. Деррингер не подводит графиню. Что с Лугиным? Непонятно

– Тетя! Тетя! – закричала что было сил Настя, увидев из окна подходящую к дому Лизавету Гавриловну. – Тетечка Лиза, нас тут с Верой Осиповной заперли! Только осторожней, она уже в доме!

– Бегу, дети, бегу! – крикнула в ответ Лизавета Гавриловна.

Едва попав ключом в замочную скважину, она распахнула дверь и вошла в дом. Осмотрелась. Темно и тихо было в нем. Еще через несколько минут, показавшихся двум узникам совершенно бесконечными, она отворила дверь библиотеки. Графиня с пистолетом в руке решительно направилась в комнату Лугина и вошла в нее.

У окна она увидела две слившиеся в объятии фигуры. Потом одна из них отделилась от другой и повернулась к ней. Перед Верой Осиповной стояла молодая белокурая женщина и, как показалось ей, немного растерянно и радостно улыбалась ей. Преодолев секундное колебание, графиня подняла пистолет и нажала на курок. Грохнул выстрел. Женщина с той же растерянной улыбкой коснулась рукой чернеющего пятна на груди и, пошатнувшись, упала. И следом рухнул стоявший за ней Лугин.

– Виктор! Ты жив?

Графиня, отбросив пистолет, устремилась к Лугину. Он был без чувств.

Реплика автора

Знаю, знаю, каждый читатель хочет счастливого конца, а то что Михаил Юрьевич планировал завершить свою историю трагически, так это, как говорится, его проблема. Чтобы избежать конфликта интересов читателя легкомысленного и читателя, верящего в неприкосновенность классического наследия, позвольте предложить два финала. Пусть каждый выберет себе тот, который ему по душе.

Вариант №1 с Fin heureuse

Звук выстрела заглушает грохот входной двери. Ворвавшийся в комнату Иван Геласьевич бросается к распростертому на полу телу Лугина, у которого стоит на коленях графиня Вера.

– Доктор, дорогой, прошу вас, помогите ему!

Медик берет руку Виктора, но через несколько секунд опускает ее.

– Нет, надо отдышаться. Ничего не слышу. Дайте минуту. И света, больше света!

Василий Николаевич, Лизавета Гавриловна и Настя, все с канделябрами в руках окружают группу на полу.

– Сердце бьется, – наконец докладывает лекарь, и собравшиеся издают вздох облегчения.

Наклонившись к телу, медик двумя пальцами достает из складок рубахи на груди раненого серебряный шарик. Это – пуля. Насквозь пробив тело ведьмы, она ударилась в нательный крест Лугина. Он прогнулся от удара, но спас владельца. Вот и шутите теперь по поводу животворящей силы креста!

(Погодите, но ведь он же потерял крест, когда еще жил в доме Штосса. Верно-верно, но потом он нашел его, я просто забыл сообщить об этом. Теперь вы довольны? Да. Продолжайте.)

– Настя, приготовьте воды и свежее белье, – распоряжается лекарь. – А вас, Василий Николаевич, я попрошу остаться

– Он будет жить? – спрашивает графиня.

– Думаю да, дорогая Вера Осиповна, – отвечает лекарь. – Он просто в глубоком обмороке. Ему предстоит долгое выздоровление, но сейчас, когда эта нечисть оставила его, он пойдет на поправку. Особенно если рядом будете вы. Вы станете его лучшим лекарством.

– О, я конечно же буду рядом!

Вера Осиповна уходит следом за Настей. Оставшимся в комнате дворецкому и кухарке лекарь говорит:

– Друзья мои, прежде всего нам надо избавиться от этого, – он кивает на немертвую на полу, – и как можно быстрее. Работа не окончена. Серебряная пуля – прекрасное средство, но в нашем деле лишних предосторожностей не бывает. Топор с вами, Василий Николаевич?

– Так точно!

– Тогда давайте спустим ее вниз и там где-то найдем место для декапитации.

– Не понял? – не понимает Василий Николаевич.

– В чулан тащи там, поймешь, – говорит Лизавета Гавриловна, по уверенному виду которой можно сказать, что она-то все поняла.

– Тогда за дело.

Василий Николаевич, взяв немертвую за руки, вытаскивает ее из комнаты. Лизавета Гавриловна идет за ними с канделябром. Голова ведьмы громко бьется о ступени лестницы, оставляя за собой темный след.

– Погоди, Вася, дай я хоть разгляжу ее толком, – говорит кухарка.

Дворецкий останавливается и утирает пот со лба. Денек у него выдался нелегкий, что и говорить! Его подруга стоит рядом и с интересом рассматривает лежащую у ее ног женщину.

– Морделя ничего, – отмечает она. – Похотливая только. Вам, мужикам, только такое и по-давай.

– Гавриловна, ты только посмотри на нее, кажется улыбается, нет? – говорит дворецкий. – Или свет так падает? Давай, мать, бери ее за ноги, я – за руки и пойдем, а то как бы она снова глаза не открыла.

– Я ей дам, курве немецкой, глаза открывать!

В чулане все происходит быстро. Разложив тело на подготовленной для операции клеенке, доктор уверенными движениями вкладывает в рот вурдалачке несколько головок чеснока, потом, подобрав и отведя на сторону волосы, у нее, надо признать, прекрасные густые волосы, которые бы сделали честь любой знатной даме, несколькими точными ударами отрубает ей голову и, ловко повернув топор, обухом забивает в сердце кол. Труп никак не реагирует на все эти манипуляции. Это хороший знак. Голову лекарь кладет в полотняный мешок, а тело в мокрой клеенке упаковывает в мешок побольше и туго перевязывает его шпагатом.

С этим покончено. Гавриловна уходит в дом. Дворецкий, утерев лоб, садится на край ящика с картошкой и безостановочно повторяет «Отче наш», пока за страшным грузом не приезжает экипаж со специальной похоронной командой.

Пока дворецкий под надзором кухарки выполнял указания доктора, Виктора Юрьевича помыли и переодели. Он пришел в себя, лицо его отражает страшную муку. Графиня присела на край постели и держит его руку в своей.

– Простишь ли ты меня когда-нибудь? – это его первые, едва слышные слова.

– Только живи, мой любимый, только живи! Мы забудем про это несчастье, как про страшный сон, и мы будем вместе – это главное.

Они плачут и стоящие в дверях Настя, дворецкий и кухарка, тоже утирают слезы умиления.

Занавес. Зал стоя аплодирует. Слышны крики: «Автора!»

Вариант №2, в котором перед читателем приоткрывается завеса над будущим графини.

Полная опустошенность – точнее не назовешь то состояние, которое испытывала графиня Вера после роковых событий. После трагической ночи Лугин более не поднимался с постели. Изредка он произносил совершенно бессвязные звуки, не узнавал окружающих. Прибывшие в Петербург родители Лугина увезли его в свое имение, но поскольку тамошние медики не смогли помочь ему, было решено отправить больного в Швейцарию.

Доктор Авраамцев заметил в откровенном разговоре с графиней, что за отправкой Лугина за границу может стоять не столько вера его провинциальных коллег в силы западной медицины, сколько стремление снять с себя ответственность за исход лечения дома.

– Мой вам совет, дорогая графиня, вернитесь к своим обязанностям при дворе. За делом многое забывается. А главное – никто вам не скажет – Господь ли это не уберет Виктора Юрьевича, или же это Он *вас* уберет от большой беды. Вы молоды, вы красивы, вы умны, ваша жизнь еще только начинается.

Болезнь даже близкого человека может стать страшным испытанием твоих истинных чувств к нему. Не каждая женщина может найти счастье у постели умирающего возлюбленного. Ну, да, Наташа Ростова, но только про нее еще не написали, так что она и вдохновить пока никого не может. Мучительные сомнения не обошли и душу графини Веры Дерibas, но ее твердое решение перелистнуть эту страницу своей жизни было принято после находки, сделанной ею в комнате Лугина.

Через несколько дней после того, как больного увезли из ее дома, она решила войти в опустевшую гостевую. Она долго перебирала оставленные наброски к своему портрету, с болью вспоминая, как позировала Лугину, с каким пристальным вниманием он смотрел на нее во время

работы, как сама она любовалась его сосредоточенным, одухотворенным лицом. Отложив наброски, она выдвинула ящик стола и обнаружила в нем тетрадь. Это был дневник Лугина. Она стала читать его, погружаясь, как в черный омут, в страшную жизнь своего несчастного возлюбленного. Но одна записка, сделанная в первые недели его пребывания в ее доме, произвела на нее куда более сильное впечатление, чем описание кровавых утех или жуткой операции по переливанию крови. Вот она:

Январь 12-е.

Какая головокружительная перемена жизни! Я просыпаюсь в свежей, благоухающей ландышем постели. Комната залита светом. Я выхожу в коридор и брожу по дому. Подобранные со вкусом картины, мебель, ковры, прекрасной библиотеке отведена целая комната. В ней еще ощутим запах сигар. Здесь проводил время отец Веры. Я слышу голоса и смех, которые доносятся из кухни на первом этаже. Спускаюсь туда. Приближаясь к кухне, слышу такой букет ароматов, что голова кругом: горячее тесто, ваниль, кофе, табак. Вхожу. Вера с Настей сидят на подоконнике в ночных сорочках, пьют из больших голландских чашек кофе, курят тоненькие пахитоски и болтают о чем-то своем, как подружки. Что графиня, что прислуга – никакой разницы!

Вера напевает:

– Грамаклея-грамаклея!

Потом спрашивает Настю:

– Помнишь нашу Грамаклею? Как я любила ее! В жару спустишься к воде, она бежит по камням, прозрачная как стекло. Ступишь в поток – от холода кости заоблетают. Умоешь лицо и на берег, дышится так хорошо, легко! Хочешь вернуться?

– Нет, барыня, я в Париж хочу! Там, что ли, речек нет?

– Поедем и в Париж, Настюша. Но только родина всегда к себе тянет. Вон сколько наших всю жизнь за границей провели, а помирать домой едут.

Вера отпивает, затягивается пахитоской, выпускает струйку дыма.

– А я знаешь что еще вдруг представила?

– Что?

– Я – старуха.

– Вы – старуха?!

– А что такого? Всем можно, а мне нельзя? Не перебивай. И вот я помираю, там в Париже у них. И все повторяю: «Грамаклея, Грамаклея», и никто не может понять, что я такое болтаю, какая такая Грамаклея? Не бредит ли бабка?

Они обе хохотали так отчаянно, даже прижали руки к животам, что и я ощутил, как их веселье вошло в меня, и тоже засмеялся. Вера обернулась ко мне, смуглилась на секунду, махнула головой, отбросила волосы за спину, смотрит на меня с веселым вызовом. Настя соскочила на пол и говорит: «Виктор Юрьевич, присаживайтесь, я вам сейчас сырников нажарю». Гремит сковородой, льет масло, синий дым к потолку, руки мелькают в тесте и муке, раз-два, все шипит и скворчит, и вот один сырник готов, другой! Невероятно ловкая. Наливает мне кофе, предлагает пахитоску, я принимаю. Вера объясняет, что ее отец высаживал в имени настоящий кубинский табак, там же его сушат, рубят и заворачивают в кукурузный лист. Закуриваю, аромат бесподобный. Смотрю, как мелькают босые ножки Насти, какой изысканной формы они, подъем, стрелки сухожилий, пальчики. Графиня тоже спускается с подоконника, и вот еще две пары чудных ножек на деревянном полу. Настя подает мне блюдо с сырниками. Вера садится напротив меня, берет рукой свой, макает его в ковшик со сметаной, откусывает, смотрит на меня и улыбается. Как я люблю ее в этот момент, за ее улыбку, за ее отношения с Настей, за ее уютный дом, за это чудесное утро, за эти сырники с кофе! И тут же это ощущение полноты жизни отравляет память об Альбине, о ее ласках. Невольно я касаюсь рукой своего горла. Под пальцами – едва ощутимый шрамик, тут же отзывающийся сладкой болью. С тем, что я не в состоянии забыть ее, я уже смирился, но самое ужасное, что я, да-да-да, снова готов искать ее.

Графиня закрыла дневник. В тот же день она написала письмо императрице и через неделю заняла свою старую квартиру во дворце, готовясь погрузиться в знакомую рутину службы. Увы, новое печальное событие постигло ее. Находясь в гостях у Карамзиных, она узнала, что в Пятигорске убит на дуэли Мишель. Известие потрясло ее особенно сильно из-за того, что оно последовало так скоро за ее последней потерей. Исчезая из ее жизни, близкие люди оставляли после себя зияющие пустоты, болезненные, как открытые раны. Знакомый мир вокруг нее начал сужаться, грозя оставить ее одну. Чтобы не впасть в черную меланхолию, она стала записывать свои мысли и переживания, чтобы самой лучше разобраться в них.

«Бедный Лерма! – писала графиня. – Я точно предчувствовала, что он окончит à la Печорин. Я помню, он мне читал “Княжну Мери”, и он умер как раз в так хорошо описанном им Баден-Бадене Кавказа. Он читал мне “Бэлу”, “Тамань”, мне удалось его приручить и даже подбодрить ему сюжет из своей жизни, хотя он и счел его слишком банальным. Кися оказался прав – из этой затеи ничего не вышло, повесть осталась недописанной. Читавшие ее набросок говорят, что я выведена под именем Минской. Правильнее было бы Одесской, но намек был бы тогда слишком явным. И снова Кися оказался прав – Мишель сдержал данное мне слово.

Вернувшись к своим обязанностям при дворе, я чувствую, что совершенно не хочу возвращаться домой. В каждом его темном углу, за каждой портьерой и закрытой дверью меня может поджидать тень моей соперницы. Не возвращается ли она и сейчас туда в поисках любимого или своей убийцы? Страшно даже думать об этом.

Люди под началом Лизаветы Гавриловны вернулись в поместье. Приятным удивлением для меня стала просьба дать вольную ей и Василию Николаевичу. Они собрали достаточно средств, чтобы купить свой хутор, и готовы к самостоятельной жизни. Я с удовольствием подписала все документы, обнявшись на прощание со своей доброй нянюшкой. Бог не дал им своих детей, но, как я слышала, Лизавета взяла на воспитание каких-то сирот. Бог в помощь.

Опустевший дом, как и город, в котором я столько пережила, тяготят меня. Холод, ветер, сырость, черная река и серое небо – невыносимы. Хочется тепла и солнца, о которых мы мечтали с бедным Лугиным. Я решила наконец спросить себя: любила ли я его или это самая обычная жалость подтолкнула меня к нему? Не знаю, но сердце мое ранено и боль не проходит, постоянно напоминая о нем.

Мой милый воздыхатель Кися зовет меня в Париж, и если ее величество не станет возражать, я возьму отпуск. Хочется перемен, новых впечатлений, новых пейзажей, новых лиц. Кися постоянно напоминает о себе – то пришлет с оказией коробку бесподобных *macaron parisien*, то букет роскошных голландских тюльпанов. Не представляю, как он устраивает их доставку, но хоть в этом можно видеть добрые плоды дипломатии. Бывает, неделю не шлет ничего, и я уже тревожусь – не разлюбил ли? Думаю, он не даст мне скучать, когда мы окажемся рядом, да и Настя будет рада пожить в городе своей мечты. Как просто бывает осчастливить сразу двоих людей, рядом с которыми есть надежда отвлечься от тягостных воспоминаний».

Да-а, такая вот история, но она будет неполной если мы не выясним, что случилось со стариком Штоссом. Вселился ли он снова в собственное изображение на стене и там поджидает нового квартиранта? Нет. Спешу доложить, что того самого портрета больше нет. И дома № 13 в Столярном переулке тоже нет. Он сгорел вместе с портретом, мебелью, зеркалами в простенках и зелеными обоями в полосочку.

Возможно, пожар можно было остановить, но в тот день на столицу опустился небывалой густоты туман, из-за которого жильцы Столярного не сразу заметили дым, поваливший из дома № 13. А когда заметили, полыхало уже вовсю.

Что стало причиной несчастья, теперь не выяснить – на месте дома зияет дымящаяся яма, которую человек с фантазией мог бы сравнить с преддверием преисподней. Яма глубока, и на дне ее что-то еще догорает и клокочет, выпуская зловонные испарения.

Как обычно, стали выяснять, что да почему. В участке предпочли самое простое объяснение – причиной возгорания могла стать недосмотренная лампа или печь. Мы, при нашей неумной фантазии, можем предположить, что это Лизавета с дворецким решили раз и навсегда покончить со змеиным гнездом, запустив в открытую форточку проклятого дома коктейль Молотова. Хотя откуда коктейли Молотова в те времена? Тогда-то ни самого Молотова не было, ни тем более коктейлей. Пили просто: шампанское, самогон, плодово-ягодные настойки. С другой стороны, много ли нужно ума, чтобы примотать тряпку к горлышку штофа со знаменитой Лизаветиной чесноковой, поджечь ее и метнуть во врага? Эдакий греческий огонь в простом русском исполнении. Нет, ну действительно, почему нет?

Идем дальше. Нам безусловно интересны показания мальчонки из трактира, которого Виктор Юрьевич Лугин встретил еще в начале этого повествования.

Малолетний свидетель высочил на улицу по какому-то хозяйскому поручению и увидел, как из туманно-дымовой пелены, заполнившей Столярный переулок, вышли двое. Один был высок ростом и широк в плечах, другой, сухой и сутулый, походил на немощного старца. Оба они были черны от копоти, что твои трубочисты. Старик все разводил руки и причитал: «Как же теперь-то, Арон, а?» Тот же, который был Ароном, отвечал вздыхая: «Да вот как-то так, герр Штосс, как-то так...» – и тоже разводил руки.

Но самым поразительным, что заставило пацаненка выпучить глаза и разинуть от изумления рот, было то, что оба погорельца продолжали гореть прямо на ходу, ничуть не заботясь о том, чтобы сбить пламя. У старика горели, искрясь и потрескивая, брови и оторачивавшие лысину седьмы, а его почерневшие от копоти уши вспыхивали на острых концах красным, просто как уголья в костре. Голубая волна пламени то и дело пробегала по его халату, а домашние туфли, в которых его захватило бедствие, оставляли за собой вьющиеся ленты черного дыма. У его спутника с тем же характерным потрескиванием и искрой горела частично съеденная пламенем борода, кафтан и валенки. Парочка эта миновала потрясенного наблюдателя и растаяла в тумане, из которого какое-то время еще долетали причитания, вздохи и потрескивание.

Больше мы о них ничего не слышали, и, наверное, это только к лучшему.

Послесловие

Автор вот просто совершенно уверен, что неизбежно найдется какой-нибудь эрудит, который воскликнет (и не раз): «Э-э, да он же стибрил этот абзац, или строку у классика!» – и, конечно же, будет прав. Неужели же автор не мог написать сам? Автор он, в конечном итоге, или не автор? Мог, конечно, написать и сам и, ручаюсь, вышло бы ничуть не хуже, а главное, простите за высокопарный слог, более стилистически органично. Но автор придумал себе игру, а то, что ее правила могут у кого-то вызвать вопросы, так это неизбежно. Всем не угодишь. Но тут не только игра. Посредством цитирования автор выразил любовь и признательность своим учителям.

Еще ряд вопросов может вызвать персона графини Дерibas. Расшифровать, кто был ее прототипом, несложно. Это – удивительная женщина, которая заслуживает своего романа, и то внимание, которое уделено ей в повести, указывает именно на это. Признаюсь, я немного влюблен в нее. Причин предостаточно. Ну, во-первых, она красавица и умница. Во-вторых, она – моя землячка. В третьих, мы – рыбы по зодиаку, что гарантировало бы нашу дружбу, не родись она на полтора года раньше меня. Она умерла в Париже 73-летней, но похоронили ее в Москве. Этот факт не идет у меня из головы. Недалеко от ее могилы в Даниловом монастыре лежит и ее Кися.

И последнее – пытаться сопоставлять факты и хронологию биографий реальных исторических лиц и персонажей повести – пустое дело. Даже не начинайте!

В. Я.